

Легкая голова

Автор:

Ольга Славникова

Легкая голова

Ольга Александровна Славникова

Новая русская классика

Герой нового романа Ольги Славниковой Максим Т. Ермаков покориł столицу: он успешный менеджер крупной фирмы, продающей шоколад. Однажды к нему приходят странные чиновники из Отдела причинно-следственных связей и сообщают, что он должен... застрелиться. Так он спасет миллионы людей!

Однако самоубийство совсем не входит в планы Максима, и события стремительно набирают обороты. Кажется, весь город выходит на демонстрации против героя, его забрасывают помидорами у дверей офиса, а в интернете появляется крайне реалистичная компьютерная игра, цель которой – застрелить героя, очень похожего на Максима...

Ольга Славникова

Легкая голова

Максим Т. Ермаков, счастливый владелец «тойоты» трехлетки и бренд-менеджер ужасающих сортов молочного шоколада, подъезжал к своему шоколадному офису с привычным ощущением, будто у него на плечах нет головы. При этом голова курила, видела мокрую парковку с надувным снеговиком в черной январской луже. Тем не менее – она отсутствовала.

В детстве Максим Т. Ермаков задавал родителям глупый вопрос: откуда люди знают, что они думают головой? Отец, чья голова была настолько ушаста, что, казалось, обладала тайной способностью летать, пытался рассказывать про полушария мозга; мама испуганно трогала ребенку тепленький лоб, ища болезни там, где, будто космонавты в невесомости, плавали мысли. Сосредоточенность человеческого «я» именно в голове, выше рук, ног и всего остального, представлялась маленькому Ермакову главной человеческой загадкой. Он не любил подвижных игр, потому что боялся странной, продуваемой ветром пустоты между воротом футболки и джинсовой кепкой; боялся, что туда, в пустоту, попадет случайная ветка или залетит, как плотненькая пуля, бронзовый жук.

Детсадовская медсестра, от которой в памяти остались ледяные руки и перламутровый крошечный рот, каждый месяц ставила группу на весы и сообщала родителям, что мальчик, хоть и выглядит развитым, недобирает до нормы примерно четыре кило. Мама, не понимавшая, что происходит, пичкала Максима Т. Ермакова мутными аптечными жирами и калорийными запеканками. В результате малоподвижный и усиленно питавшийся Максим Т. Ермаков вырос полным юношей с большими розовыми щеками и нежным, как сливки, вторым подбородком; всякий глянувший на него первым делом понимал, что на строительство этого тела пошли только самые лучшие продукты. Теперь, когда вес молодого человека достигал ста килограммов, были не так заметны недостающие четыре. И все-таки сам тяжелый носитель легкой головы постоянно чувствовал недостаток веса на плечах.

Несмотря на легкоголовость, не сразу осознанную как личное, только ему присущее свойство, Максим Т. Ермаков учился на четыре и пять. При этом он не понимал выражения преподавателей «уложить в голове». Сведения, которые он получал – начиная от стихов А. С. Пушкина и кончая технологиями ребрендинга, – сразу покидали пределы его виртуального черепа и плавали около, становясь свободной частью окружающего мира, чем, собственно, и были в действительности. Мир представлял собой подвижную информационную среду, и знания, отпущенные на свободу, возвращались достроенными, приносили, как пчелы, взятый неведомо где питательный нектар. Иногда Максиму Т. Ермакову казалось, будто он может получать информацию без всяких книг и Интернета, буквально из воздуха.

Однако личные странности не вывели Максима Т. Ермакова ни в гении, ни в хозяева жизни. Еще студентом он, как все, нашел себе работу. Ему повезло: он

попал в структуру, продвигающую несколько видов транснационального продукта. Сперва он недолго управлял растворимым кофе, якобы имеющим упоительный аромат, плывущий по воздуху в виде сизых шелковых лент; затем жизнь Максима Т. Ермакова целиком сосредоточилась на шоколаде. Плиточный шоколад, шоколадные батончики, шоколад с наполнителями, полтора десятка видов конфет, белый шоколад, пористый шоколад – все это требовало от потребителя наслаждения, как война требует подвига. Ибо в реале продукт представлял собой неоднородную сладкую глину с добавлением мыла, производимую на заводе где-то под Рязанью.

Шутки, связывающие комплекцию Максима Т. Ермакова с предметом его креативных усилий, не имели почвы: Максим Т. Ермаков своего шоколада не ел. Однако он удачно презентовал продукт всем своим видом цветущего толстяка, с румянцем до глаз и сахарной щетинкой на голове, дающей, при движении мысли и кожи, необычайные сыпучие и радужные эффекты. Наслаждение шоколадом, которого следовало достичь, имело, как уже было сказано выше, нематериальную природу. Максим Т. Ермаков понимал в нематериальном. Смешивая имиджи в правильных пропорциях, он получал визуальную имитацию вкуса, которого на самом деле не было в природе. Продажи росли. Даже исполнительный директор В. В. Хламин, по прозвищу Хлам, престарелый монстр, заросший до глаз железной сединой, похожей, стараниями стилиста, на моток колючей проволоки, неохотно признавал, что у того шоколадного парня, как бишь его фамилия, есть голова на плечах.

Молодость амбициозна. Максиму Т. Ермакову понадобилось время, чтобы принять свою обыкновенную судьбу. Он принадлежал к многомиллионной интернациональной армии корпоративных клерков и каплей лился с массами, преодолевая многочасовые, подобные скоплению мух на клейкой ленте, московские пробки. При этом в легкой голове его, как бы не имеющей физических границ, постепенно прояснилась истина, что дела его не плохи, а, наоборот, хороши. Потому что выше прав человека, защищаемых серьезными международными организациями, встали в новейшем времени Права Индивида Обыкновенного. Из многочисленных мессиджей, исходящих как будто из разных источников, у Максима Т. Ермакова суммировалось понятие, что заданная Достоевским русская дилемма – миру провалиться или мне чаю не пить – решается сегодня однозначно в пользу чая. Выбрать чай означало выбрать свободу – что наш герой и сделал, сосредоточившись на покупке квадратных метров внутри Садового кольца. Дважды его едва не кинули на серьезные деньги: это дошлифовало характер. Теперь Максим Т. Ермаков был полностью готов к своей свободе – что выгодно отличало его от миллионов

соотечественников, к свободе не готовых или даже вовсе непригодных, как утверждали многие СМИ.

Однако он совершенно не был готов к удивительным и странным событиям, начавшимся ровно в тот момент, когда, включаясь, булькнула сигнализация «тойоты» и одновременно в кармане заелозил, распухая вдвое, мобильный телефон.

– Максик! Ты опаздываешь-то чего? – раздался из телефона микроголос Маленькой Люси, секретарши непосредственного начальства. – Тебя к Вадим Вадимычу, срочно! Обыскались уже!

– Ладно, иду, сейчас пальто у себя брошу, – проворчал Максим Т. Ермаков, ускоряя шаги под вялым зимним дождиком, пятнавшим кашемир.

– Ни-ни-ни! Сразу на седьмой этаж! – пропищала Маленькая Люся, и Максим Т. Ермаков поспешно ее отключил, услышав, что из-под первого сигнала, буквально распирая мобильник, пробивается второй.

– Максим Терентьевич? Вадим Вадимович просит вас срочно зайти к нему, – это была уже Большая Лида, секретарша самого Хлама, говорившая хрипло, будто у нее скачками поднималась температура.

Максим Т. Ермаков заволновался. Волнение, впрочем, было приятным: мелькнула наглая мысль, что результатом всей этой кутерьмы станет, скорей всего, возможность заработать денег, раз уж он всем так срочно нужен. Банковские упаковки по десять тысяч долларов, эти элегантные кирпичики жизни, грезилась ему, даже когда он трусил, держась за мобильник, по глухим ковровинам седьмого этажа. В приемной Большая Лида вскочила ему навстречу во весь свой башенный рост и посмотрела так, будто впервые видела. Бледная, с новыми силиконовыми губами, похожими на два куска малосолевой семги, она стащила с Ермакова сырое пальтище и, не дав отдышаться, втолкнула в кабинет.

Перед начальником всея конторы, как-то не очень уверенно занимавшим свое вальяжное кресло, сидели два посетителя. Они отражались в стеклянной столешнице, подобно темным островам, и между ними, будто толстый круг на воде, сияла совершенно пустая и чистая пепельница.

– А, ну наконец! Опоздание двадцать минут! – воскликнул Хлам совершенно не свойственным ему тоном доброго директора школы. – Вот, пожалуйста. Наш молодой сотрудник, – обратился он к своим посетителям, осклабясь скобкой голубоватых имплантатов.

– Утро доброе, – поздоровался Максим Т. Ермаков, а про себя подумал: «Пятьдесят штук баксов, не меньше».

– Так я могу идти? – осведомился Хлам, привставая.

– Да, вы свободны, – произнес один из двоих, а кто именно, Максим Т. Ермаков не понял.

Совершенно не похожий на себя Хлам, видимо, едва дотерпевший до момента, когда можно будет сбежать из собственного кабинета, заторопился к дверям, напоследок зыркнув на Максима Т. Ермакова старческими ртутными глазками. Только теперь посетители повернулись к тому, кого хотели видеть. Лица их были совершенно бескровны; преобладали лбы. Тот тип, что сидел слева, был весь какой-то стертый, с кустиком сухих волос на самой макушке; второй – а скорее, первый и главный, судя по пробежавшим между этими двумя невидимым токам, – напоминал не родившегося, но каким-то иным, неизвестным способом развившегося и повзрослевшего человеческого зародыша. Непомерно большая, лысая, тонкокожая голова казалась полупрозрачной, но разглядеть что-либо внутри было невозможно; под безбровыми дугами, в тяжелых лиловых морщинах, горели страшные огни.

«Ну и уроды», – подумал Максим Т. Ермаков, поудобней усаживаясь на стул.

– Доброе утро, Максим Терентьевич, – проговорил Зародыш, вперяясь в некую точку над плечом Максима Т. Ермакова. – Как вы уже, наверное, поняли, мы представляем здесь государство.

Синхронным движением двое развернули удостоверения – не обычного формата, а какие-то большие и квадратные, похожие на шоколадные плитки ближайших конкурентов. Внутри рдел и золотился хищный государственный герб и твердыми литерами было оттиснуто: «Российская Федерация. Государственный особый отдел по социальному прогнозированию». Несмотря на странный вид

предъявленных документов, Максим Т. Ермаков сразу откуда-то понял, что удостоверения – настоящие, а дядьки – очень-очень серьезные. Гораздо более серьезные, чем все випы, кого он видел прежде, вместе взятые. Радость его от предвкушения денег вдруг из теплой сделалась ледяной. «Миллион. Миллион долларов», – отчетливо подумал Максим Т. Ермаков, крепче сплетая пальцы на животе.

– На самом деле наша контора называется несколько иначе, – небрежно заметил Зародыш, спуская удостоверение в какую-то щель своей глухой одежды, на которой не было, кажется, ни единой пуговицы. – А теперь позвольте спросить, Максим Терентьевич: все ли у вас в порядке с головой?

В отсутствующей голове Максима Т. Ермакова образовалось что-то вроде маленького смерча, потянувшего в себя туманный потолок с заплакавшей люстрой. «У меня болит между ушами, как говорили, кажется, индейцы», – подумал Максим Т. Ермаков, а вслух произнес:

– Вообще-то это моя голова. И что бы с ней ни происходило – это мое личное дело.

Государственные уроды переглянулись. «Прямо тридцать седьмой год какой-то», – подумал Максим Т. Ермаков, и ему сделалось весело оттого, что в этой старой игре он все наперед знает и наперед прав.

– Что ж, тогда мы сами вам расскажем, – невозмутимо проговорил Зародыш, закидывая ногу на ногу и показывая простой, как калоша, лакированный ботинок. – Ваша голова немного, совсем чуть-чуть, травмирует гравитационное поле. По этому признаку мы вас и обнаружили.

– Да вы курите, – подал голос Стертый и подтолкнул к Максиму Т. Ермакову девственную пепельницу. – Мы знаем, что вы курите «Парламент». Вообще-то тут нельзя, но с нами можно.

Курить действительно хотелось зверски. Максим Т. Ермаков вытащил из кармана пачку «Парламента», сразу показавшегося отстойным и невкусным. Сигаретный дым наполнил голову, округлил ее и материализовал, приятно струясь внутри.

– Ну и что вы от меня хотите? – осторожно спросил Максим Т. Ермаков, прикидывая, как ловчее торговаться с этими двумя, уже начавшими торг с простеньких гэбэшных фокусов.

– Не буду от вас скрывать, мы чрезвычайно в вас заинтересованы, – произнес Зародыш, поморщившись. – В двух словах: наше подразделение занимается причинно-следственными связями. О теории и технологиях говорить не буду, тем более что и права не имею. Сообщу только, что эти связи – вполне материальные образования, можно даже сказать, живые существа. И по нашим разработкам выходит, например, что жертвоприношения в языческих культах не были суевериями, а были действиями рациональными. Время от времени у причинно-следственных связей наступает вегетативный период. Тогда и появляются люди, именуемые у нас Объектами Альфа. От них, как ни странно, зависит дальнейший ход многих, очень многих событий. Вот вы и есть такой объект, Максим Терентьевич, уж извините нас великодушно.

Пока Зародыш нес этот бред, Максим Т. Ермаков, будто загипнотизированный, не мог отвести взгляд от его ледянистых, слабо свинченных пальцев, игравших на столе какие-то шаткие гаммы; золотое обручальное кольцо на кривом безымянном, ловившее отсвет хмурого дня, казалось железным. Разумеется, Максим Т. Ермаков не верил словам; но, поверх и помимо слов, он ощущал, как пространство вокруг него меняет свойства. «Интересно, который кандидат в президенты будет теперь моим шоколадом?» – думал он, и сердце его подскакивало, будто маленький предмет от чьих-то тяжелых шагов.

– Так вы хотите предложить мне работу? – произнес он вслух, делая незаинтересованное лицо.

Государственные лобастики опять обменялись быстрыми взглядами, будто мгновенно сдали друг другу карты.

– В каком-то смысле да, – скучным голосом проговорил Зародыш. – Вы должны покончить с собой выстрелом в голову.

Максим Т. Ермаков вежливо улыбнулся. Его пробрало сверху вниз и снизу вверх, будто на нем, как на дудке, сыграли какую-то резкую мелодию. Он до скрипа ввинтил сигарету в пепельницу, заструившую недобитый дымок прямо в

физиономию Стертого, брезгливо стянувшего узкие ноздри.

– А если я откажусь, вы сами меня ликвидируете? – проговорил Максим Т. Ермаков, не слыша себя.

– Нет. К сожалению, нет, – отозвался на этот раз Стертый, говоривший таким же точно тоном, как Зародыш, только другим голосом. – Это должна быть ваша воля и ваша рука. Если мы сами исполним, то не только не добьемся результата, но лишим себя необходимого шанса.

Уф! Снег, внезапно и густо поваливший за окном, показался Максиму Т. Ермакову таким ослепительно белым и праздничным, какого он сроду не видел. Снегопад тёк наискось, то ускоряясь до крупного пунктира, то замирая на весу и качаясь туда-сюда вместе с побледневшими, похожими на мокрые махровые полотенца, офисными башнями. Еще немного глуховатый, облитый радостью, будто ушатов холодной воды, Максим Т. Ермаков спросил:

– И какие, по-вашему, у меня причины застрелиться?

– Причины очень важные, Максим Терентьевич, – ответил Зародыш, презрительно улыбаясь. – Без вашей жертвы, извините, что называю вещи своими именами, причинно-следственные связи будут развиваться в крайне нежелательную сторону. Вы уже видите начало: цунами, климатические сдвиги. Все последствия просчитать трудно. Но уже в ближайшее время они коснутся многих лично. Из всего спектра возможностей будут осуществляться самые негативные. Вот Людмила Викторовна Чеботарева у вас, секретарь начальника отдела. У нее маленький сын болен, врожденный порок сердца. Он умрет. В Москве и Петербурге обрушатся торгово-развлекательные центры, жертвы будут исчисляться тысячами. Произойдет серьезная авария нефтепровода. Начнется новая война на Кавказе. Где-то в крупном сибирском областном центре следует ожидать большого теракта. Потом разразится глобальный экономический кризис...

– Пойдите-пойдите! – перебил Максим Т. Ермаков гэбэшника, нудно перечислявшего напасти. – Теракты, аварии – это касается вашей работы, так? Вот вы мне интересно описали, зачем моя, так сказать, жертва нужна вам. Теперь объясните, для чего это надо мне. Только так, чтобы я понял.

– Ставьте ваши условия, – холодно произнес Зародыш, запахиваясь поглубже в свой шероховатый плащик, скрывавший его до самых калош.

Тут Максиму Т. Ермакову опять стало весело. Опять возникло отчетливое чувство, будто он влез в какой-то фильм про тридцать седьмой год, только с большими начальными бонусами, не то что пламенные революционеры, кричавшие напоследок: «Я чист перед народом и партией!» «Если я им нужен, это будет стоить денег», – еще раз укрепился он в своем убеждении и, пощелкав зажигалкой перед виляющей во рту сигаретой, объявил:

– Десять миллионов долларов, господа.

– Принято, – быстро и буднично проговорил Стертый. – Десять миллионов. Завещание будете писать?

– Какое завещание, зачем? – удивился Максим Т. Ермаков. – Могу дать свои реквизиты, а лучше наличными.

– К сожалению, Максим Терентьевич, так не пойдет, – улыбнулся Стертый, больше всего похожий, если приглядеться, на колхозного бухгалтера. – Мы вас, видите ли, не сможем обмануть. Те связи, которыми мы занимаемся, сейчас очень нежные, мы не должны их повредить. У каждой причины должно быть следствие, так что, как только вы застрелитесь, ваши наследники обязательно получат деньги. А вот вы можете нас кинуть. Возьмете свои миллионы, а стреляться откажетесь. Или попросите аванс, прогуляете его, разобьете парочку «мерсаков» и захотите еще. Поставите государство на оброк. Мы такого допустить не можем, так что лучше не начинать. Ответственно вам говорю: лично вы не получите ни копейки. Так что распорядитесь в пользу близких вам людей. Договорились?

С этими словами он пододвинул к Максиму Т. Ермакову чистый лист бумаги, поперек которого чернела дешевая, изжеванная, как ириска, шариковая ручка. Максим Т. Ермаков тупо уставился в белизну. Он попытался представить себе родителей, внезапно разбогатевших. Когда они в последний раз звонили? Перед Новым годом? Отец все бодрится, хвастает, разводит на даче толстозадых кроликов, ходит, с чекушкой в кармане, на коммунистические митинги. Мать дает уроки музыки, по вечерам играет «для себя» на старом пианино, будто стирает белье. Двигает плечами и лопатками, словно прачка, жамкает сумбур на

клавишах, как на стиральной доске. Заживут, переедут в Москву. Если не родители, то кто? Ну не Маринка же, в конце концов. Какой она близкий человек? Только и есть у нее, что высоченные ноги на зеркальных шпильках да непомерные амбиции. Максим Т. Ермаков для нее недостаточно перспективный. Другие женщины? Смешно. Все, что от них остается наутро, – душная яма в постели и мышиная дырка в бюджете. Внезапное отвращение ко всем, кто, по всей видимости, составлял его вполне человеческий и комфортабельный мир, заставило Максима Т. Ермакова внутренне содрогнуться. Не люди, а одни сплошные дыры. И сегодняшнее утро, поманившее удачей, получилось мимо кассы. Просто даром захотели его поиметь в пользу государства и народа. Дьявол, когда покупает душу, хоть пожить дает, а эти – нет.

– Нет. Не договорились, – зло отрезал он, двигая обратно ручку и бумагу, которую, оказывается, успел разрисовать жирными кудрявыми кружевцами. – Пожалуйста, ловите террористов, гипермаркеты стройте как следует, чтобы не падали. А я пошел, у меня работы полно.

– А как насчет высших соображений? – вдруг поднял голос Стертый. – Тоже не задаром и не безымянно. У нас хорошие сценаристы. Разработают легенду, станете национальным героем. Памятник вам поставим в Москве и на малой родине, хотите?

– А вот не хочу! Нашли Александра Матросова! – выпалил Максим Т. Ермаков, радуясь, что в предбаннике слышат, как он орет на государственных страшилищ, напугавших всех до полусмерти. – Высшие соображения! Вы эти тоталитарные примочки в жопу себе засуньте! Я вам еще сырьем для вашей пропаганды буду! Прямо Гастелло! Если бы в ту войну нормально платили тогдашним «сапогам», не пустили бы немцев до самой Москвы!

– Интересная концепция, – усмехнулся Зародыш, и полупрозрачный пузырь его головы слегка порозовел. – Так вот, Максим Терентьевич. Разговор у нас не последний, сами понимаете. Вот, возьмите визитку, там телефоны, звоните, ежели что.

Он двумя пальцами, будто пинцетом, протянул Максиму Т. Ермакову картонный квадратик, на котором рдел, как рябиновый лист, все тот же двуглавый орел. «Кравцов Сергей Евгеньевич, ведущий специалист», – было вытиснено над двумя семизначными телефонными номерами, где первые три цифры были 111. Пока Максим Т. Ермаков скептически вертел картонку, Зародыш искоса посмотрел на

балахон Стертого. Стертый понял, кивнул, залез рукой в глубокую жеваную складку и вынул тяжелую штуку, оказавшуюся крупным рифленным пистолетом. Максим Т. Ермаков вздрогнул. Ухмыляясь половиной обвисшей, как карман, морщинистой рожи, Стертый запустил пистолет по столешнице в сторону Объекта Альфа, замороженно следившего за медленным вращением оружия, будто за последними кругами рулетки.

– Это ПММ. Магазин на двенадцать патронов. Заряжен, надежен, прост, – представил Зародыш зловещее явление, вогнавшее Максима Т. Ермакова в бисерный пот. – Возьмите и держите при себе. Пригодится, можете мне поверить.

Пистолет был явно не новым: рукоять рябила голым металлом, как старая черная терка, курок в кривоватой скобе казался жирным от многочисленных нажатий пальцем. «Вот уроды, и тут сэкономили, – восхитился Максим Т. Ермаков, забирая со стола увесистый сувенир. – Ладно, хоть шерсти клок с этих волчар в овечьих шкурах. Ничего игрушка, интересно».

– Звонить не обещаю. Всего хорошего, господа, – объявил он вслух.

Засовывая ПММ в пиджачный карман, немедленно отяжелевший, Максим Т. Ермаков развалистой трусцой направился к дверям. Сувенир ощутимо лупил по бедру, и в душе Максима Т. Ермакова варилась едкая злоба.

– Максим Терентьевич! Одну минуту! – остановил его Зародыш у самых дверей.

– Ну? – полуобернулся тот.

– Вы не задали вопроса, который задают все инициированные объекты, – невозмутимо произнес Зародыш, покачивая ногой.

– Какого?

– Был ли Объектом Альфа человек, известный как Иисус из Назарета.

– Ну? – раздраженно повторил Максим Т. Ермаков, прикидывая, что будет, если он возьмет и застрелит этих двух гэбэшников, расположившихся в кабинете

Хлама, как у себя дома.

– Он – не был. Он представлял собой непостижимый для нынешней науки феномен, – бесстрастно сообщил Зародыш, темнея до полной непроглядности на фоне льющегося снега; только глаза его смотрели пристально, отсвечивая лиловым, будто оптика сильного бинокля.

День прошел кое-как. Максим Т. Ермаков валандался, то успокаиваясь, то снова озлобляясь на утренних визитеров. Не было никаких идей насчет новых «валентинок», представлявших собой ломкие шоколадные сердечки в интенсивно-розовой обертке; вообще его шоколад, поздравлявший население страны со всеми возможными праздниками, вдруг показался Максиму Т. Ермакову каким-то тухлым, будто Генеральный секретарь ЦК КПСС. Куда бы он ни заходил, всюду его провожали скрытыми взглядами исподлобья; руки, протянутые для пожатия, словно превратились из мужских в женские. Сам он тоже бросал невольные косые взгляды на Маленькую Люсю, которую прежде едва замечал, представляя ее себе в виде смутного пятна, с чем-то блестящим на рыхлой пепельной шейке. Теперь он тоже не увидел ничего особенного: волосы-щепочки, жалкие бровки, очки. Почему-то он думал, что Маленькой Люсе лет двадцать с небольшим, а оказалось на вид – тридцать с хвостом.

– Максик, ты чего такой смурной? К тебе сегодня, говорят, из милиции приходили? – тихо спросила Маленькая Люся, когда Максим Т. Ермаков неизвестно для чего в который раз забрел в приемную шефа. – Может, кофе крепкого тебе сварить?

«Может, денег ей дать?» – тоскливо подумал Максим Т. Ермаков. Но денег было в обрез.

Риелтор Гоша-Чердак позвонил в половине четвертого. Голос у него был густой, будто политый соусом.

– Макс, у нас проблема, – проговорил он солидно. – Продавец поднимает сразу на тридцать. Помнишь, я их сперва на пять утоптал, а теперь новый покупатель подскочил, армянин какой-то денежный. Они сейчас квартиру поехали смотреть, я за ними. Давай и ты подтягивайся. Подумай, сколько еще поднимешь. Квартира, между нами, стоит того.

– Так мы же залог внесли! – опешил Максим Т. Ермаков. – Какого хера! Чего они жопами крутят, договорились уже!

– Жизнь сурова, Макс, понимаешь меня? – наставительно произнес Гоша-Чердак. – Внести залог – одно, купить квартиру – совсем другое. Недвижимость – она как большая рыба, десять раз с крючка сорваться может. Так что рули на Гоголевский и по дороге звони всем, кому можешь, проси, занимай. Все, давай! – и он провалился, как монета в щель.

Бормоча пламенную матерщину, не попадая в рукава пальто, болтавшегося за спиной подобно подбитому крылу, Максим Т. Ермаков понесся вниз. От него шарахались, прижимая к себе кофейники и папки. На парковке надувной резиновый снеговик вихлялся под ветром, мятый, как яйцо. Снег кишел, «дворники» отжимали потоки мутной воды, бурые лужи колыхались под колесами, сытно налитые мокрой снежной массой. Квартира на Гоголевском, крошечная, зато двухуровневая, продавалась как золотая. Максим Т. Ермаков уже вытянулся в нитку и рассчитывал только на новый годовой шоколадный бюджет, от которого собирался вынужденно скрысить изрядный кусок. Он не представлял, кому звонить, и, медленно передвигаясь в снежном месиве, без толку рылся в памяти мобильного. Слева прошли купола Христа Спасителя, бледные, будто горящие днем электрические лампы. Заворачивая во дворик, где собирался отныне парковать свою «тойоту» в достойном соседстве дорогих и породистых авто, Максим Т. Ермаков почти поверил, что денежный армянин-покупатель окажется призраком.

Надежда развеялась через десять минут. Посреди квадратной студии, которую Максим Т. Ермаков так хорошо делил в мечтах на стильные зоны, топталась хозяйка квартиры, грузная старуха с мутными каратами в растянутых мочках. Риелтор старухи, рыжая бизнесвумен в тесном малиновом костюмчике, вовсю обхаживала нового клиента, расписывая ему достоинства квартирному пространству и ограниченность подобных предложений на московском рынке. Клиент терпеливо кивал; его большая, как валун, неправильная голова даже не повернулась в сторону Максима Т. Ермакова, ввалившегося в студию. Гоши-Чердака нигде не было видно. «Опаздывает, сволочь, бросил меня с этими», – злобно подумал Максим Т. Ермаков и тут же увидел в сумраке у лестницы, ведущей в верхнюю спальню, ту, для кого, по-видимому, приобреталась квартира, обжитая им в мечтах до последнего квадратного сантиметра. Лет восемнадцать. Скорее дочь, чем подружка армянского папика: белый воротничок, черная скучная юбка, похожая на чехол мужского зонтика. Пышные

кудри без блеска, с дымом, сколотые грубой стекляшкой; глазищи огромные, влажные, совершенно овечьи. Прошло не меньше минуты, прежде чем Максим Т. Ермаков осознал, насколько хороша собой армянская девица. Оттого, что ей достанется квартира, а сама она никогда не достанется неудачливому конкуренту, которого ее богатый папа как раз сейчас растирает в порошок, захотелось что-нибудь сломать. «Ничего, скоро растолстеет, отрастит усы», – мстительно думал Максим Т. Ермаков про девицу, ощущая на плечах вместо головы маленький пляшущий смерч.

– Так, все в сборе! – Гоша-Чердак, наконец-то добравшийся до места, отряхивался на пороге, с его расстегнутой кожаной куртки текло, будто он попал под душ. – Извини, брат, пробки, к тому же снег, – протянул он Максиму Т. Ермакову холодную, тоже мокрую руку, у которой только большой палец был размером с куриную ногу.

– Какого хера телепаешься три часа! Пробки у него! Торчу здесь, как бревно на балу, – зашипел Максим Т. Ермаков. – Давай, говори с ними, а то я не знаю, что будет.

– Хорошо, хорошо, расслабься, – примирительно проговорил Чердак, посылая риелтору оппонента водянистую улыбку.

– А вот и еще покупатели! – возвестила та тоном экскурсовода, точно Ермаков с Чердаком были частью оборудования квартиры. – Гоша, вы еще претендуете или для вас уже слишком дорого? Я вам звонила про новую цену. Смотрите, а то через месяц все опять подрастет.

Армянин ничего не сказал, только повернулся всем коротеньким корпусом глянуть на претендентов; глаза его, отягощенные бурыми складками, напоминали старые грибы.

– Ниночка, красавица, мы при делах, конечно, при делах! – пропел Чердак, источая сироп. – Только переговорю с моим клиентом! Пять минут!

С этими словами он ухватил Максима Т. Ермакова за толстое предплечье и, наступая ему на ботинки, поволок к окну.

– Ну, что, сколько денег нашел? – заговорил он азартно, маяча радужными, плохо протертыми очочками. – Я, перед тем как ехать, залез в базы: цены везде нереальные. Таким образом, есть смысл поднимать резко. Давай, прыгаем в последний вагон!

– Да нисколько не нашел! Все, предел, звездац! – прохрипел Максим Т. Ермаков, косясь на рыжую риелторшу, на ее неожиданно толстенькую, словно ватой простеганную спину. – Ты на договоренности с ними напирай. Скажи, они за лохов нас с тобой держат?

– Ты что, брат? Ты у нас крутой Шоколадный Джо или выпускник детского сада? – возмутился Чердак. – Какие договоренности? Кто тут тебе чего должен? Ну, медный таз! Москва набита деньгами, а он стесняется, блин. Давай, доставай мобилу! Звони людям! Ну?!

Тычками он припер Максима Т. Ермакова к стенке и, морща рыхлый лоб, продолжал его тихо мутузить, пока не выдавил из взбитой кучи мобильный телефон.

– Ладно, тогда отойди маленько, – проговорил Максим Т. Ермаков, отдуваясь.

Чердак, ворча, разжал объятия и отступил на пару шагов. Вдруг сердце Максима Т. Ермакова лизнуло какое-то новое, почти нестерпимое чувство. Эта старуха, хозяйка квартиры, тяжело усевшаяся на единственный в студии, заляпанный ремонтом табурет, – ну зачем ей столько денег? Ведь видно, что не было никогда: нитка янтарных яичек на сморщенной шее, мутные сережки, мутные, с белковыми жидкими жилками, ржавые глазки. Жизнь ее практически закончилась. А он, Максим Т. Ермаков, должен почему-то выстрелить из чужого пистолета в свою невесомую голову. Словно послать тугую пулю в пышную, тряскую, бряцающую игрушками новогоднюю елку. Блин, где же эта визитка... Изворачиваясь и изумляясь глубине собственных карманов, Максим Т. Ермаков вытащил, наконец, орленую картонку. Кравцов Сергей Евгеньевич, надо же... Палец, казалось, прилипал к телефонным кнопкам, будто к железу на каленом морозе; по спине текли ручейки.

Номер, начинавшийся с трех единиц, ответил немедленно. Не было, что загадочно, ни одного гудка, и голос Зародыша зазвучал так близко, будто гэбэшник помещался непосредственно в телефонном аппарате.

– Максим Терентьевич, добрый день, добрый. Вот видите, вы уже и позвонили.

– А... Э-э... Сергей Евгеньевич, и вам хорошего дня, – бодро проговорил Максим Т. Ермаков, подглядывая в визитку. – Тут такое дело... Мне срочно нужно тридцать... – Он покосился на Чердака, который тряс перед ним растопыренными белыми пальцами, которых было шесть, не то семь штук. – Нет, извините, шестьдесят тысяч. Долларов, естественно.

– Мы знаем, Максим Терентьевич, – доброжелательным голосом откликнулся Зародыш.

– И что?

– Ну, Максим Терентьевич, мы ведь с вами это обсуждали, – отечески проговорил гэбэшник, и в голосе его, ласково пробиравшемся в ухо, слышались глумливые нотки. – С тех пор наша позиция не изменилась.

Тут Максим Т. Ермаков физически почувствовал, как его туманный мозг, будто проточная вода, окрашивается кровью. Он сгорбился, укрывая разговор горстью, и яростно прошипел:

– Так что же, вы меня бесплатно сегодня обрадовали?! Спасай, мол, человечество! А мне с этого что? Совсем ничего?! Нет уж, болт вам, господа! Дадите деньги – буду думать над вашим предложением. Не дадите – пошлю далеко!

– Не дадим, – печально сообщил Зародыш. – А насчет бесплатно – это вы зря. Просто у вас на уме одно бабло. Вы подумайте хорошенько, пообщайтесь с собой: чего бы вам хотелось после себя оставить. Мы многое можем и готовы тратить большие, очень большие бюджеты. Поверьте, редко кому дается шанс вот так менять что-то в мире. Просто желания должны быть за пределами вашего тела и вашей физической жизни. Неужели ни одного нет?

– А идете вы лесом! – заорал Максим Т. Ермаков и почувствовал на себе сразу все взгляды. Рыжая бизнесвумен быстро отвернулась, улыбка ее мелькнула наискось и чиркнула по сердцу Максима Т. Ермакова, будто спичка по коробку. Гоша-Чердак недовольно суксился. В глубине помещения, у лестницы, тихо светился нежный овал, белый воротничок по сравнению с этим свечением был

груб, как гипс.

Чтобы отдышаться от унижения, Максим Т. Ермаков отвернулся к окну. Снег шел, будто тянули сеть. Белый сумрак застилал вечереющий двор, по убеленной траве гуляла большая, как корова, пятнистая собака. Какой-то человек, в темном кургузом пальтишке, в белых снеговых погонах, мерил шагами узкий тротуар, поворачиваясь через левое плечо там, где кончалась натопанная им цепочка следов. Вот он остановился, поднес к уху мобильный, синевато осветилась впалая щека. Сразу из припаркованного микроавтобуса вылез второй, стриженный под плюш, они поговорили, сдвинув лбы, и, одновременно сделав шаг назад, посмотрели на Максима Т. Ермакова. Два запрокинутых лица напоминали белые кнопки с нанесенными на них неизвестными значками. Максим Т. Ермаков сразу догадался, с какого номера был сделан звонок на тот, осветивший неизвестного, мобильник и какому ведомству принадлежит замшевый от грязи старенький микроавтобус. Реклама на борту микроавтобуса гласила: «Green Garden. Лучшая садовая мебель Москвы», – но эти двое, синхронные, с прямоугольными плечами под погоны, точно были не мебельщики.

Так Максим Т. Ермаков впервые увидел тех, чье присутствие стал теперь ощущать постоянно. Они передвигались большей частью на микроавтобусах («Деревенский молочник. Только хорошее настроение!»; «Мир Кухни. Лидеры рынка»; «Мир кожи. Стильная кожа для всей семьи»). Иногда это были пожилые иномарки и даже родные «копейки», с корочкой ржавчины из-под грубой покраски, ездившие, однако, отменно резво. Все эти транспортные средства были грязны, как закопченная посуда. Стоило «тойоте» тронуться с парковки, как они возникали в зеркале заднего вида – их выделяла из общего потока какая-то напряженная дрожь, даже в пробках они стояли, будто готовые вот-вот закипеть.

Сотрудники отдела социального прогнозирования всегда работали парами: все примерно одного возраста, все в каких-то советских серых пальтецах либо в дутых куртках, глухо застегнутых до самых крепких, как кувалды, подбородков. Лица их издали были будто кнопки клавиатуры, причем на одних читались как бы буквы, а на других цифры. В подъезде Максима Т. Ермакова, на подоконнике, откуда просматривалась дверь квартиры, появилась банка из-под маринованных томатов, постепенно заполняемая духовитыми окурками. Максим Т. Ермаков чувствовал надзор буквально кожей: по спине, между лопатками, струился колкий песок, и сам он казался себе постройкой из песка, сырой внутри, сыпучей

снаружи, постепенно размываемой знобким ветерком. Чтобы хоть ненадолго избавиться от неотступных микроавтобусов, он впервые за многие годы начал спускаться в метро. Не тут-то было: стоило ему встать на эскалатор, как позади него воздвигалась плотная фигура, клавшая на поручень здоровенную лапу в черной морщинистой перчатке, а впереди, через два или три человека, просматривался затылок напарника, напоминавший толстого ежа.

Квартира на Гоголевском продалась, только свистнула. Гоша-Чердак озлобился, но еще суетился, каждый вечер возил показывать варианты. Схватить хоть что-то в центре нечего было и думать: цены дружно двинулись в рост, и продавцы опережали время, желая получить за свою недвижимость в январе, как в марте. В настоящем времени ничего не происходило; рынок замер; замер, казалось, самый воздух, вернувшийся после недолгого снегопада в состояние глухое и туманное, свойственное запутанным снам. На дворе стоял никакой сезон: снег если пытался идти, то растворялся в сырости, как стиральный порошок, пенку его всасывала земля и, обманутая плюсовой температурой, выпускала жить слабосильную, вяло-зеленую траву. Низкая ровная пелена облаков не пропускала солнца; тускло чернели голые деревья; зима была, будто перегоревшая лампа.

Гоша-Чердак, теряя последний энтузиазм, таскал Максима Т. Ермакова куда-то на Кожуховскую, в бетонные панельки, смотрящие окнами на крысиный лабиринт зачуханного рынка; куда-то далеко за Войковскую, в пятиэтажки серого кирпича, где за царскую цену продавалась гнилая двушка, с пузырящимися полами и скользкой на ощупь теплой водой, вытекавшей из ревматических труб. Было уже не до престижа; надо было вложить имевшиеся деньги в квадратные метры – но все ускользало, буквально за сутки становилось недоступно. Город, нереально повышаясь в цене, делался призрачным; это повышение, охватившее и те жилые массивы, где вообще не продавалось ничего, сказывалось в недостоверном, словно бы разреженном составе зданий, в странном, волнообразном отсвете окон. Динамическая световая реклама банка, где хранились погибающие деньги Максима Т. Ермакова, попадалась едва не на каждой высокой крыше и напоминала школьный опыт по химии, где в результате переливания алой и зеленой жидкостей всегда получался дымный хлопок.

Десять миллионов. Десять миллионов долларов, блин! А поторговаться, так и больше. Вот, кажется, только протяни руку. Максим Т. Ермаков нисколько не сомневался, что стоит этих денег. Он чувствовал, что от возможности купить

какую только захочешь квартиру, вообще любую недвижимость в Москве или Европе, его отделяет всего лишь упругая, полупрозрачная перепонка. Раньше он не задумывался о природе этой преграды – разве что в детстве, в шестилетнем, кажется, возрасте, когда внезапно понял, что умрет обязательно и что родители тоже умрут. Наглядным пособием послужил сердитый деда Валера, ходивший с палкой так, что в нем ощущались все его твердые кости, а потом улегшийся в длинный, обшитый материей ящик и внезапно переставший пахнуть табаком. Наваждение длилось целое лето. С той поры некоторые явления – звенящий стрекот ночных приморских зарослей, зеленый дождь в деревне, скрип качелей, жесткий полет сухой стрекозы – вызывали у Максима Т. Ермакова тихую тоску. Потом, в сентябре, все внезапно прекратилось, словно отрезало школьным звонком.

И вот теперь оно снова вернулось; ночи сделались враждебны. Не в силах уснуть, барахтаясь, как тюлень, в сырых от пота простынях, Максим Т. Ермаков измысливал способы, как ему получить свои деньги и при этом остаться в живых. Мысль его, не стесненная черепной коробкой, выделявала сложнейшие петли, то изобретая послушного, на все готового двойника, то воображая ложный выстрел на каком-нибудь не слишком высоком мосту, с падением тела в маслянистую ночную воду, в спасительную муть, где ждет заранее припрятанный верный акваланг.

Все выходило нереально, все требовало подготовки, в том числе спортивной – а спортсменом Максим Т. Ермаков не был никогда и особенно боялся нырять, зная, что под водой его виртуальная голова превращается в холодный воздушный колокол, зыбкий, как ртуть, норовящий разделиться на несколько частей. Нужны были помощники, верные люди; нужны были как минимум качественные документы на чужое имя. Следовало на всякий случай подкачать изнеженное тело, тряское на бегу, а при наклоне к ботинкам выпускавшее в голову розовый пар. Но не было возможности тайно купить тренажер, устройство, инструмент. Бдительные социальные прогнозисты всегда перлись за Максимом Т. Ермаковым в супермаркет, катили, пихая подопечного в крестец, дребезжащую тележку, куда швыряли все то же самое, что Максим Т. Ермаков набирал для своих невиннейших нужд; если товар оказывался в единственном экземпляре, то в результате краткой борьбы за коробку или флакон всегда побеждал хладнокровный, чугунный под пальто социальный прогнозист. Выкатившись с тележкой на парковку, спецкомитетчики сваливали рацион Максима Т. Ермакова в черный мусорный мешок и, завязав его узлом, шмякали пузырь в багажник – видимо, на предмет исследования, не получается ли из пельменей и шампуня пластиковая бомба. Максим Т. Ермаков был у них будто на ладони; подозревая во

всякой точке на обоях и во всякой бусине жиденькой китайской люстры скрытую камеру, он изучил свою съемную квартиру лучше, чем за четыре предыдущих года.

У Максима Т. Ермакова имелось перед социальными прогнозистами только одно преимущество: у него было время. А вот у них времени не было. Грохнулся мегамаркет «Европа». Двести двадцать шесть погибших, пожалуйста. Максим Т. Ермаков демонстративно поехал посмотреть. Стеклообразное тело мегамаркета напоминало теперь теорему, покончившую с собой из-за отсутствия доказательства: дикий хаос треугольников вздыбленной арматуры кое-где еще держал стеклянные полотна, вкривь и вкось отражавшие серую облачность, словно само небо над катастрофой было расколото; перекрытия опасно висели над черными ямами этажей. Всюду ходили насупленные мужики в оранжевых жилетах; возле ограждения из мокрой, заплаканной сетки лежали на асфальте раскисшие гвоздички, похожие на свежие пятна масляной краски.

Постояв для приличия, подивившись на уцелевшие манекены, маячившие в строгих костюмах над слоеным хаосом бетона и стекла, Максим Т. Ермаков полез за руль. По пути домой его обливало смесью веселья и ужаса. Мир становился податлив, как пластилин. Максим Т. Ермаков не смог бы сформулировать, в чем заключается его новообретенная власть. Но чувство власти было таким несомненным, что «тойота», сопровождаемая скромным, по-собачьи виляющим фургончиком, буквально распарывала трафик. Они заплатят, никуда не денутся. Они оказали Максиму Т. Ермакову большую услугу: дали пощупать тонкую преграду между тем и этим светом и сделали так, что Объект Альфа не испугался. Несмотря на слабую материальность собственной головы, Максим Т. Ермаков не верил ни в какие райские и адские области, представлявшие собой всего лишь пар от человеческой мысли. Он признавал только реальные, конкретные вещи. Для него «тем светом» были теперь престижные квартиры в старых, хорошо отреставрированных московских дворянских домах – туда он попадет, как только вытащит свои деньги, вкусные долларовые кирпичики, ясно видные сквозь близко проступившую холодненькую плеву. На всякий случай, раз уж негативные прогнозы стали осуществляться, Максим Т. Ермаков решил не ходить пока в большие магазины, а покупать продукты близко от дома, в симпатичном подвальчике, где его всегда приветствуют добродушный задастый охранник и пожилая кассирша с желтой челкой, в обильном золоте, стекающем в теснины крапчатого бюста. «А выстрела не будет, не будет, господа!» – напевал Максим Т. Ермаков на какой-то веселенький мотив, отпирая магнитной пипкой

железную, пупырчатую от воды и краски дверь своего подъезда.

В квартире ожидал сюрприз. Посреди единственной комнаты, в единственном кресле сидел, одетый в спортивный костюм с размахрившимися лампасами, Кравцов Сергей Евгеньевич собственной персоной. За спиной начальника стояли, сцепив лапы на причинных треугольниках, геометрические фигуры, числом четыре. Перед Зародышем, на валком журнальном столике, хромавшем так, словно одна из ветхих ножек была костылем, золотился взятый без спросу из бара французский коньяк.

– Ну что, полюбовались? – поприветствовал подопечного ведущий специалист.

– А как поживают ваши причинно-следственные связи, начальник? – ехидно откликнулся Максим Т. Ермаков, сбрасывая пальто. – Все вегетативно размножаются? Как они себя чувствуют? Не хворают, нет?

– Хворают, – подтвердил Зародыш, зыркнув из-под голых надбровий, словно там провернулись тусклые шарниры. – Да вы же сами все видели, только что с места события. Лишний вопрос. Давненько я не видел такого наглеца.

Максим Т. Ермаков любезно поклонился. Сесть ему в собственной комнате было не на что, кроме как на раскрытую постель, где в хаосе белья голубели раздавленной бабочкой кружевные Маринкины трусы. Максим Т. Ермаков вздохнул и плюхнулся.

– А как насчет незаконного проникновения в частное жилище? – осведомился он, скользя насмешливым взглядом по лицам охраны, на которых резкие морщины были как боевая раскраска туземцев. – Или у вас, извиняюсь, ордер имеется? Может, я какой-нибудь закон нарушил? Кого-нибудь убил? Или вы успели насыпать кокса в мой стиральный порошок и ждете понятых?

– Бросьте, Максим Терентьевич, – поморщился Зародыш. – Дверь у вас была не заперта, мы и вошли, как старые знакомые. Сидим, стережем ваше имущество. А приехали мы только для того, чтобы задать единственный вопрос: что больше – двести двадцать шесть или один?

– Конечно, один, если этот один – я. А вы как думали? – живо откликнулся Максим Т. Ермаков. – Вы мне другую жизнь можете дать? А тем, кого в «Европе»

поубивало, – можете? Чем приставлять ко мне наружку, рыться в моих покупках, курить у меня в подъезде, лучше бы за террористами следили! Да, ездил, видел. Это не я виноват, это вы виноваты! И не надо мне ваших арифметических задачек. Плохо работаете, господа!

– Ну вы и наглец, – задумчиво повторил Зародыш, грея хозяйский коньяк в бескровной пясти, покрытой с тыла, точно изморозью, полупрозрачными волосками. – Да, у государства задачи в основном по арифметике. Мы имеем натуральный ряд чисел: сто сорок миллионов жителей страны. И с этой, арифметической, точки зрения один меньше, чем двести двадцать шесть, ровно в двести двадцать шесть раз. Меня другое удивляет. Вы, Максим Терентьевич, держитесь так, будто совсем нас не боитесь. А зря. Всякого можно ухватить за чувствительное место. А уж если мы возьмемся...

– Ничего у вас не выйдет! – радостно сообщил Максим Т. Ермаков. – Я гладкий и круглый колобок, весь внутри себя, меня даже ущипнуть местечка не найдется. Хотите честно? Мне никто, кроме самого себя, не нужен. То есть любил я когда-то маму с папой, а сейчас – ну, попечалюсь недельку, если что. Может, напьюсь. Даже если померещатся чувства, не страшно. И так у всех, между прочим. Женщины, конечно, есть приятные, но не настолько, чтобы ради них стреляться. Я бы вас боялся, конечно, если бы вы могли как-то силой на меня воздействовать. А вы беспредельничать не можете, спасибо причинно-следственным связям! Стало быть, у нас идеальная ситуация: если гражданин не нарушает законов, к нему никаких вопросов нет. Кстати, если я возьму ваш пистолет и примусь палить в людей на улице, что будет?

– А вот тогда мы, без всякого беспредела, вас арестуем, – со вкусом проговорил Зародыш, и по тому, как умягчился маслом его тяжелый взгляд, сделалось понятно, что такой поворот событий был бы весьма желателен для представляемого им комитета. – Арестуем, стало быть, и запустим вполне законные процедуры следствия и суда. Но придадим им такие формы, что вы сами попросите на минуточку в камеру наш пистолет.

При этих словах непрошеного гостя Максим Т. Ермаков вдруг почувствовал, что весь расквашивается. Ему захотелось немедленно лечь в свою постель, прямо в офисном костюме, кусавшем шерстью в нежных сгибах под коленками, и сказать больным. Натянуть на зыбкую голову глухое одеяло и сделать вид, что страшилищ не существует.

– А ведь вы трус, Максим Терентьевич, – попер в наступление Зародыш и сразу словно навис над жертвой, хотя ни на миллиметр не двинулся из кресла. – Сама ваша плоть труслива, каждая клеточка вибрирует и плачет, стоит вам нож показать. Помните, как были студентом и проигрались в карты? Вас тогда прессовали крутые пацаны Пегий и Казах. Чтобы выплатить долг, вы украли две с половиной тысячи долларов у своего сокурсника Владимира Колесникова. А он возьми и окажись тоже злобным, и хоть и без ножа, но со здоровенными кулаками. Помните, как прятались от него по женским комнатам общежития? Как сиживали в шкафах среди юбок и босоножек?

«А ничего себе их учат. Прямо возникают перед тобой, передвигаются в пространстве, пальцем не пошевелив. Ничего себе приемчики. Интересно, как это у них получается», – лихорадочно думал Максим Т. Ермаков, мысленно заборматывая дрожь, проходившую от пяток до мутной головы. Но было поздно. Ожил, словно вышел из тюремного блока памяти, Вован, Вованище, с небритой мордой, похожей на грязную губку, с дикой шерстью на груди, распивавшей, как сено, все его голубые и розовые рубахи, купленные в сельпо. Вован потом и правда загремел в тюрьму, ввязавшись в нехорошую драку возле мутной пивнушки у метро; это спасло Максима Т. Ермакова от физического увечья и нервного срыва. Вован, кстати сказать, тоже сидел за тем, чрезвычайно скользким, покером, но спасовал с крестьянской хитростью, отделавшись копеечным убытком. Надо было тогда не увлекаться прикупом, надо было обратить внимание, что сдающий странно ласкает колоду, а у Пегого карты буквально растут между пальцами, будто лягушачьи перепонки. И что, на нож следовало идти из-за двух с половиной штук? Нож, между прочим, реально был – хищная выкидуха с наборной зонвской ручкой. Эти двое, Пегий с Казахом, обгладили его всего Ермакова, намазали, будто бутерброд маслом, стальным зеркальным ужасом. Максим Т. Ермаков поступил рационально: просканировал пространство и обнаружил единственно доступные деньги, достаточные для выплаты долга, в мужицком пиджаке Вованища, во внутреннем кармане, зашитом грязными белыми нитками. Зря Вованище хвастал перед игрой, что заработал на стройке и всех теперь отымеет; было делом техники нащупать в его проодеколоненном барахлишке сдобный денежный хруст.

Да, Максим Т. Ермаков спасся, поменяв большее зло на меньшее. Да, сиживал в шкафах на босоножках, будто курица на яйцах, пока Вованище ревом объяснялся с девчонками и метал стулья. Любой, кто соображает, проделал бы такую же комбинацию. Но как же страшен был густой и резкий, отдающий хирургией, запах его одеколona, когда Вован сгребал Максима Т. Ермакова за ворот и его васильковые глазки делались неживыми, будто у куклы. Этот

народный парфюм, уже и тогда, в конце девяностых, снятый с производства (запасы, вероятно, хранились в кулацком семействе Вована не столько для блезиру, сколько для экономичного опохмела), теперь и вовсе кончился на всех складах, но в сознании Максима Т. Ермакова продолжал существовать. Его виртуальное обоняние, тянувшее запахи непосредственно в мозг, изредка улавливало несколько грубых, неизвестно откуда приплывших молекул; их оказывалось достаточно, чтобы вызвать панику в игравшем, как резинка, солнечном сплетении, куда, бывало, въезжал, пресекая жизнь, татуированный кулак.

– О чем задумались, Максим Терентьевич? – послышался словно из-за спины голос незваного гостя, хотя Зародыш по-прежнему сидел, как на картинке, все в том же коричневом кресле.

– Да вот, вспоминаю молодость, – улыбнулся Максим Т. Ермаков, потихоньку вытирая мокрые ладони о простыню. – Верно вы всех назвали: были и Пегий, и Казах, и гражданин Колесников. Боже мой, из-за какой суммы тогда разгорелся конфликт... Мелочь, тьфу! Какими глупыми бывают люди в двадцать лет. Кажется, будто деньги нужны только молодым, а людям в возрасте они зачем? Я вот только сейчас начинаю понимать, что чем старше человек становится, тем больше надо денег на правильную жизнь. Вы согласны со мной, Сергей Евгеньевич?

– Рассчитываете дожить до своих десяти миллионов? – иронически осведомился Зародыш. – Гарантирую, что у вас это не получится.

– А у вас, значит, получится сделать из меня национального героя посмертно? – в тон ему ответил Максим Т. Ермаков. – Тоже обломайтесь: это не ко мне. Это к какому-нибудь колхознику, прочитавшему в своей избе «Как закалялась сталь». Вот гражданин Колесников мог бы, если бы когда-нибудь книжки открывал. Положить живот за други своя – это не катит. И даже не потому, что морали нету, а эстетика другая. Арт-жесты все другие. Мои клипы про шоколадки значат сегодня больше, чем все это тупое наследие, многотомники с моралью и героями. Новость для вас? Понимаю. Небось, не первый я у вас Объект Альфа. Прежние-то объекты кидались со всей дури спасти человечество, еще и благодарили за оказанную честь. Вы раньше эту дурь у человек полнорной ложкой черпали, никаких проблем не имели. Строили БАМы, поднимали целину. А теперь всё. Халява кончилась, господа. Я вот на вас время трачу, а собирался поужинать и кино посмотреть.

На это Зародыш испустил неприятный смешок, откинувшись в кресле и показывая кадык, похожий на проглоченное змеей куриное яйцо. Четверо геометрических мужчин, до сих пор не издавших ни единого звука, кроме скрипа черных тупоносых ботинок, вторили начальству хором, будто болотные лягушки.

– Уж потерпите, Максим Терентьевич, – проговорил ведущий специалист, отсмеявшись. – Ваши намеки на то, что мы должны за ваше время заплатить, я все равно не пойму. Мы ведь с вами толкуем не о морали и не о современном искусстве, а о вещах чисто практических. Мне, как ответственному в каком-то смысле за государственную арифметику, нужно произвести обмен одного на многих. Вы хотите торговаться. А я вам говорю в который раз: бесполезно. И пытаюсь объяснить, что на самом деле вы нас боитесь. И правильно боитесь. Героя сделать из вас все равно придется, а способы могут быть разными.

– Да я, в общем-то, и есть герой, вы не заметили? Вы давите на меня, а я не поддаюсь! Почему, спрашивается? – Максим Т. Ермаков прилег, облокотившись на подушку, дорогое, тонкого хлопка, постельное белье показалось ему сквозь костюм и пот отвратительно шерстяным. – В своем лице я защищаю права человеческого индивида от государственной машины. И с позиций этих прав не играет роли, является индивид героем, гением или обыкновенным обывателем. Вы вот, может, трижды Герой России, но мне оно фиолетово. Свобода индивида в том, что он сам себе высшая ценность. Просто по факту своего существования. Если кому-то что-то надо от него, с ним заключают контракт. А вы контракта не хотите, заинтересовать меня не можете. Запугиваете. Я вот думаю: не собрать ли мне знакомых журналюг? Устрою пресс-конференцию, расскажу, как нарушаются свободы россиян всякими мутными государственными комитетами.

– А это тема. Вы, Максим Терентьевич, прямо-таки правозащитник. Может, вы и в политику на этой волне попытаетесь прыгнуть? – издевательски поинтересовался Зародыш.

– Нет, в политику не хочу. Там надо морду показывать и врать. Мне это лень. Я бы лучше в имиджмейкеры пошел. Что политик, что шоколад – технологии те же самые, – проговорил Максим Т. Ермаков, а про себя подумал: «Вот бы мне кандидата в президенты. Пусть не самого главного и не его генерального оппонента: не мои куски, подавлюсь. А вот такого бы сибирского мужика, рубленного топором. Чтобы за народ рубаху рвал и набрал на выборах полтора процента. И чтобы его цветные металлы финансировали. И мне – в эксклюзив!»

– Шоколад ваш, кстати, редкостная дрянь, – заметил Зародыш. – Детям давать нельзя.

– А то у нас политики сплошные Георгии Победоносцы, – парировал Максим Т. Ермаков. – Вы посмотрите на них отдельно от имиджей. Глаз-то настройте! Либо завхоз, весь из мяса, либо пригожий мальчик в папином галстуке, либо генерал со схемой трех своих извилин на лбу. В любом сериале намного лучше лица. Политиков будто нарочно подбирают, чтобы повесить политтехнологам трудность творческой задачи. А я таких трудностей не боюсь! Даже люблю. Видели мой последний креатив, где моделька купается в таком текущем, тяжелом шоколаде, вроде как в бассейне? Сразу облизать хочется. А будь шоколад сам по себе хорош, так и работать неинтересно.

Тут в недрах одного из геометрических мужчин, где-то в животе, громко забренчало, точно он был железный, советского производства, будильник. Распахнувшись и обнаружив под пиджаком множество технических устройств, включая странного вида оружие, напоминающее фен, геометрический отцепил небольшую овальную пластину и четким жестом протянул начальству. Зародыш выщелкнул из пластины тонкий виляющий жгут, и у Максима Т. Ермакова закупорило уши, отчего в голове сделалось темнее, чем в комнате. Зародыш что-то говорил в свой специальный гэбэшный мобильник, шурша целлофановым ртом; вокруг раздувались, пенились, теснили сознание какие-то незримые объемы, лампочки в люстре опухли, незваные гости двигались с отвратительным клейким шорохом, будто жуки в спичечном коробке. Потом внезапно вернулись звуки, все на какой-то шершавой подкладке.

– Неприятные ощущения скоро пройдут, – сообщил Зародыш, говоривший, вероятно, в полный голос, но слышный так, будто он говорил шепотом. – Собственно, нам пора. Хочу сказать напоследок кое-что о свободе. Кажется, что у человека много свобод: развивайся хоть во все стороны. Но подлинная свобода одна: поступать правильно. Всякий человек, к сожалению, слеп. Он имеет мнение обо всем, потому что испытывает такую потребность. Но есть очень мало вопросов, по которым человек может составить суждение на основании личного опыта. Все самое главное, для его жизни важнейшее, ему сообщают посредством телевизора. Слепой может передвигаться, только зная расположение предметов в своем жилье и примерно представляя, что и как устроено на улице. Мир, может быть, совсем не таков, каким мнится слепцу. Но если слепой поступает правильно, он ни обо что не уьется. И никогда не почувствует нашего присутствия.

С этими словами Зародыш встал из кресла в своем дурацком тренировочном костюме, под которым угадывались не то выпуклости скрытой аппаратуры, не то безобразно выпирающие кости. Один геометрический поспешил в прихожую и заговорил с кем-то на лестничной площадке: судя по голосам, подъезд был полон социальными прогнозистами, от дверей до верхнего этажа.

– Удивили вы меня, Максим Терентьевич, – произнес Зародыш, глядя сверху вниз на оглушенного Максима Т. Ермакова, все не имеющего сил отлепиться от подушки, набитой как будто тем же веществом, что и его погасшая голова. – Я думал, вы приедете от «Европы» в шоке, психотерапевта вам привез... – Он указал на одного из свиты, такого же точно, как все остальные. – Ну, хорошо. Вы, стало быть, до сих пор не прониклись. Уезжаю от вас, Максим Терентьевич, с тяжелым сердцем. Мы, как вы правильно поняли, беспредельничать не можем. Зато гражданские лица, не связанные с нашим комитетом, – могут. Имейте это в виду.

Один за другим незваные гости исчезли из поля зрения Максима Т. Ермакова, точно растворились в спертom воздухе квартиры. Напоследок в замочной скважине трижды, с обстоятельным оттягом, повернулся ключ. Неверной рукой Максим Т. Ермаков дотянулся до телевизионного пульта. Экран раскрылся на пугающей картинке: пожар, точно огромная медуза, колыхался в ночном, тускло подсвеченном небе, мелькали, озаряясь розовым, маленькие вертолеты, столб черноты, перекрученный туго, свитый из жирного дыма, уходил в облака. «...Как сообщили источники в Управлении государственной противопожарной службы Красноярска, площадь возгорания превысила четыре тысячи квадратных метров...» – частил за кадром тревожный, хорошо поставленный женский голосок. Максим Т. Ермаков перевернулся на спину и захохотал.

Значит, у них были ключи. Первым желанием Максима Т. Ермакова было как можно быстрее поменять замок. Дверь квартиры, обтянутая черным дерматином, каким обклеивают ветхие книги в районных библиотеках, содержала три замка – один действующий и два мертвых, окаменевших, будто трилобиты, в плите выдавшего виды дверного железа. Прикинув, сколько встанет заменить окаменелости на что-нибудь надежное, вроде DORI или RIFF, Максим Т. Ермаков слегка огорчился, но все-таки нашел в Интернете приемлемое предложение и вызвал мастеров, обещавших в течение недели выполнить заказ. Он прекрасно понимал, что социальные прогнозисты, если захотят, все равно войдут, но принципиально не желал оставаться перед ними с

пригласительно беззащитной дверью. Те двое, что всегда сидят на подоконнике в подъезде, поедая пухлые сэндвичи, – пусть они видят, что объект создает для них посильные трудности, с которыми все-таки придется повозиться.

Оставалась проблема квартирной хозяйки, которой Максим Т. Ермаков не хотел давать ключей. Звали хозяйку Наталья Владимировна – «просто Наташа», как она просила к себе обращаться, хотя лет ей было под пятьдесят. Крупная, говорливая, всегда в розовом пиджаке, в крашенных блондинистых кудряшках, которые из-за проросшей седины казались намыленными, Просто Наташа подвизалась по разным слабосильным медиа в качестве не то обозревателя, не то сборщика рекламы. Несколько раз она подступала к Максиму Т. Ермакову с предложением направить часть его рекламного бюджета в представляемые ею вечерки, литературки и молодежные интернет-ресурсы – причем назначала себе такие скромные комиссионные, что деятельность ее выглядела бескорыстной, едва ли не подвижнической. Разумеется, с той товарной линейкой, какая была у Максима Т. Ермакова, польститься на подобные носители мог бы только сумасшедший. Отказ приводил квартирную хозяйку в сердитое уныние, она могла часами рассказывать про то, как ей нигде не платят. Знакомясь с человеком, Просто Наташа первым делом интересовалась, сколько он зарабатывает, – с живейшим любопытством, с выпуклым блеском в больших водянистых глазах. Перед тем как сдать квартиру, Просто Наташа сделала дешевый белесый ремонт: поклеила обои в серебряный рубчик, положила простенький, чрезвычайно скользкий кафель, повесила стеклянистые ацетатные занавески. Прошло четыре года, но в сознании Просто Наташи все это оставалось новым, и, приходя за квартирной платой, она озабоченно выискивала пятнышки, вытирая их скрипящим по поверхностям указательным пальцем. Узнав, что Максим Т. Ермаков собрался покупать жилье, она простодушно назначила за свою однушку цену вдвое выше рыночной, отчего-то полагая, что если человек уже поселился, то нечего ему переезжать.

Если Просто Наташа увидит новые замки? и не получит ключей, она решит, что ей разбили унитаз. Об этом думал Максим Т. Ермаков, поднимаясь в лифте к себе на седьмой, раздраженный занудным совещанием у Хлама, кривыми, точно всем им насильно вытерли рты, мордами коллег и перламутровыми когтями непосредственной начальницы Ирины Константиновны, в просторечии Ики, которыми она битых два часа брякала по столешнице. Увидев дверь своей квартиры, Максим Т. Ермаков отшатнулся. «СДОХНИ СУКА!!!!» – было намалевано по черному дерматину белой масляной краской. Свежая краска одуряюще воняла, сползала тонкими потеками, словно жирные буквы пускали корешки. Максим Т. Ермаков взял на палец мягкую капельку, размазал и разъярился.

На подоконнике, как обычно, посиживали двое мужчин с профессионально условными лицами, обкатанными, будто галька, уличной толпой. Они как раз собрались поужинать: один разливал из глухого вспотевшего термоса крепкий чаек, другой разинул рот на булку, похожую на хлебную рукавицу, взявшую сосиску.

– Кто это сделал?! Кто?! – проорал Максим Т. Ермаков, сбегая к ним по лестнице, с бельмом на пальце. – Вы тут сидите, каким, блин, местом смотрите?

Социальные прогнозисты переглянулись, одинаково пожав плечами. Потом уставились на Максима Т. Ермакова двумя парами ясных, как стеклышки, глаз, ничего, кроме удивления, не выразивших.

– Дверь мне изгадили, вам было лень шугануть?! – продолжал орать Максим Т. Ермаков, приходя в еще большую ярость от вида обстоятельного натюрморта, с кусками крупных помидоров и розовой, как купидон, вареной курой, красовавшейся на бумажной тарелке.

– Мы, гражданин Ермаков, не работаем у вас сторожами и охранниками, – холодно ответил тот, что с булкой.

– И отчеты предоставляем также не вам, – добавил второй.

– Ну вы и падлы! Приятного аппетита! – выкрикнул Максим Т. Ермаков, на что социальные прогнозисты спокойно кивнули.

Осторожно, держа оскверненную дверь двумя пальцами за ручку, будто огромную муху за крыло, Максим Т. Ермаков скользнул в прихожую. Как он ни берегся, на пальто от Hugo Boss в двух местах обнаружилось белое, точно кто лизнул против ворса дорогой кашемир. Глянув на часы, Максим Т. Ермаков сообразил, что вот-вот заявится слесарь с новыми замками. Было невозможно принимать кого бы то ни было с липким свеженьким слоганом на дверях, вызывавшим у Максима Т. Ермакова какой-то детский стыд. Он поспешно позвонил на фирму и, матерясь через слово на тягучий хамоватый голосок девицы-оператора, взявшейся учить его деловой этике, отменил заказ. Он хотел одного: смыть пот этого дня, а потом заняться чисткой пальто. И только он успел наполнить хозяйскую гулкую ванну, в которой напряженная струя воды

будила как бы отзвуки железной дороги, как в прихожей бешено, взхлеб заверещал звонок. Чертыхнувшись, в тесном плюшевом халате на влажное тело, Максим Т. Ермаков пошлепал открывать. Пока он торопился, возясь с поясом халата и теряя тапки, звонок, как миксер, взбил содержимое его головы в мутную пену. Предвкушая, что он сейчас сделает со слесарем, который все-таки приперся, чтобы заработать свои полторы копейки на чужих проблемах, Максим Т. Ермаков распахнул дверь, не заглянув в глазок.

На пороге стояла Просто Наташа. Ее водянистые глаза тарацились, брови лезли на лоб и чуть не втыкались в прическу, будто спицы в шерсть. Она протягивала Максиму Т. Ермакову указательный палец с белой пробой безобразия. Слоган на черном дерматине был размазан в нескольких местах, звонок, тоже испачканный белым, напоминал большую раздавленную моль.

– Это что? Это что такое?! – голос Просто Наташи срывался. – Что вы мне тут такое устроили?! Кто это сука, я сука?!

– Да с чего вы взяли? Я, что ли, это намалевал? – возмутился Максим Т. Ермаков. – Это мне намалевали! Отморозки здешние!

– Почему вы в таком виде?! – зашипела квартирная хозяйка, наступая на Максима Т. Ермакова и целясь в него жеваным углом своей раздутой грязно-розовой сумки.

Ну, мама! Максим Т. Ермаков увидел себя со стороны. Старый халат плохо сходил на выросшем животе, истерзанном до алой полосы тесным брючным ремнем, – и черт знает что еще могло мелькнуть перед злобной бабой, наглухо задраенной в грубый кожаный плащ, отороченный кошкой.

– Я вас что, ждал сегодня? Сейчас оденусь, – проворчал Максим Т. Ермаков, стягивая полы халата и по-женски тесно семеня в спальню.

– Не ждали? Вот это мило! Второе число сегодня! – несло ему вслед. – За квартиру не надо платить? Я-то ладно, проживу на хлебе и воде. А маму мою больную кто содержать будет? Вы в маминой квартире живете, между прочим!

Точно, второе февраля. За своими деньгами Просто Наташа приходила с неотвратимостью Каменного гостя. Тот факт, что Максим Т. Ермаков занимал

«мамину» жилплощадь и тем вытеснял из жизни заслуженную учительницу, от которой в квартире остался тяжкий, с пятнами доисторических чернил и могильным запахом из ящичков письменный стол, как бы накладывал на Максима Т. Ермакова дополнительные моральные обязательства. Просто Наташа пыталась конвертировать эти обязательства в дополнительную плату. Бормоча ругательства, Максим Т. Ермаков натянул пропотевшую, с воротником как холодная резина, офисную рубашку, кое-как застегнул измятые брюки и отсчитал положенные тридцать тысяч. Шаркая на кухню, он услышал, как из ванны зычными глотками уходит вода.

– Надо воду сливать, чтобы не было протечки, и плиту надо чистить специальным средством для керамики, а не засирать, – нервно сообщила Просто Наташа, созерцая под разными углами зеркальную поверхность плиты Indezit, на которой, словно лунное затмение на черном небе, еле угадывался след от кастрюли.

Квартплату Просто Наташа пересчитала трижды; от ее сырых помытых пальцев, на которых слезились, ослепнув, мокрые камешки, деньги размякли и вспухли. Неоттертый указательный Просто Наташа держала на отлете, он, как и у Максима Т. Ермакова, был словно покрыт белесой плесенью.

– Так, а за дверь? – скандальным голосом спросила она, закончив пересчет.

– Не я вашу дверь исхреначил. Кто это сделал, с того и спрашивайте!

– Я что, следствие буду проводить? Вы живете, вы и платите. С вас еще пятнадцать тысяч, если не желаете себе больших неприятностей.

– Да новая дверь столько не стоит! – опешил Максим Т. Ермаков.

– Откуда вам знать, что сколько стоит, не вы ремонт делали! – тотчас повысила голос Просто Наташа. – Я на последние рубли ламинат стелила, дверь обивала, покупала плиту! В долги влезла, в жизни никогда не было таких долгов. Мне с моими заработками этот ремонт встал, как другому бы в миллион.

– А как вы себе представляете, Наташа: вы квартиру сдали, в ней живут, а ремонт только новее становится? – как можно спокойнее спросил Максим Т. Ермаков, доставая сигарету.

– Не курите в квартире! – взвизгнула Просто Наташа и хлопнула Максима Т. Ермакова по руке. – Вон, все мужчины на лестнице курят!

Максим Т. Ермаков вздрогнул, сообразив, каких именно мужчин она имеет в виду.

– Ладно, дам семь, – злобно проворчал он и большими валкими шагами направился в спальню.

– Девять! – выкрикнула ему в спину Просто Наташа.

Снова распотрошив рублевую заначку, Максим Т. Ермаков подержал перед собой поредевшие деньги, чувствуя себя осенним кленом, с которого под ветром облетают листья. Отделил девять тысячных бумажек, потом, постояв с ними, вернул себе одну, словно сделал осторожный и маленький карточный ход. «Ну, зашибись, – подумал он, засовывая заначку обратно за обложку старого ежедневника. – Какая-то бзданутая баба снимает с меня бабки как нечего делать. А я с них не могу, с уродов этих. Почему так?»

Просто Наташа, недосчитавшись тысячи, связала рот узелком, но ничего не сказала, с покорным вздохом убрала деньги в сумку. Она уже наболтала себе из запасов Максима Т. Ермакова поллитровую кружку растворимого кофе, в которой ложка клокала с деревянным звуком и плавали комья как будто коричневой краски; теперь оставалось только ждать, когда она все это выпьет.

Просто Наташа никуда не спешила. Недовольство ее заполняло крошечную кухню и заставляло моргать слабосильную лампу в мучнистом плафоне. Казалось, квартирная хозяйка подсасывает электричество для продолжения скандала и просто так не уйдет.

– Дверь отмоете как следует. Чтобы никакой суки мне на моих дверях не было. Бензинчиком! – проговорила она наконец. – Есть у вас машина, вот бензинчиком и ототрете.

– Я же заплатил за ущерб, вам теперь и мыть, – парировал Максим Т. Ермаков и тут же пожалел, что не сдержался.

– Мне?! Да как вам не совестно! – Просто Наташа вся пошла пятнами того характерного ядовито-розового цвета, который был ей присущ от природы и по возможности воспроизводился в одежде. – Предлагать такое женщине старше вас по возрасту! Мне, значит, маму мою лежащую кормить с ложки, стирать за ней и еще дверь за вами мыть? Я вам серьезно говорю, я вас предупредила: если не желаете себе неприятностей, ведите себя как человек. У нас с вами договор составлен, там сведения, и мне отлично известно, где вы работаете. Я могу на вашу фирму жалобу написать. Посмотрим, как это понравится вашему начальству.

Максим Т. Ермаков знал, что не понравится очень. Отправить телегу «в фирму» было примерно то же самое, что в прежние времена пожаловаться в партком. Склонную бумажку могли отправить в урну, а могли изучить и усмотреть в бытовом поведении сотрудника погрешение корпоративных ценностей и ущерб имиджу компании. Впрочем, Максим Т. Ермаков был теперь на особом положении. Он теперь расхаживал по офису, будто привидение по родовому замку, и коллеги, избегая смотреть ему в глаза, словно видели у него во лбу запекшуюся дырку от выстрела. Казалось, все они каким-то образом догадались, что голова Максима Т. Ермакова пребывает в ином, чем у нормальных граждан, агрегатном состоянии. Из-за этого Максим Т. Ермаков чувствовал себя флаконом, у которого не завинчена крышка: толкни – и все разольется. Его халтурный креатив ко всенародному празднику св. Валентина – шоколадное сердце, пронзенное стрелой, чем-то напоминающей рыбий скелет, – был принят на сегодняшнем совещании не глядя, никто не вылез с неприятными умными мыслями, все сделали вид, что никакого Максима Т. Ермакова не существует.

– Пишите кляузу, мне не жалко, – хладнокровно заявил Максим Т. Ермаков Просто Наташе. – Охота вам время терять.

– Ну вы и бессовестный! – возмутилась Просто Наташа. – Ладно, давайте разбираться. Я имею право знать, что происходит!

– А что?

– Как это что, как это что? – зачастила Просто Наташа, очень похожая в этот момент на большую взъерошенную курицу. – Милиция в подъезде вторую неделю дежурит! Мы с мамой всегда жили бедно, но прилично! А теперь соседи, которые меня с детства знают, звонят и говорят: мол, Наточка, твой жилец

попал под милицейское наблюдение. У нас тут засада, того гляди стрелять начнут. Неизвестно, что теперь с квартирой будет, ты уж приезжай и разберись!

– Им-то какое дело? И с чего они взяли, что это милиция? И почему решили, что наблюдают за мной? – раздраженно спросил Максим Т. Ермаков. – Может, это за алкашами с пятого этажа решили присмотреть. Я-то чего? Вот у них гулянка день и ночь, в режиме нон-стоп. Вася-хозяин вообще не просыхает, живет с того, что девиц пускает с клиентами. Притон настоящий, а туда же: приличные люди, приличный подъезд! Иногда такую рожу в лифте встретишь, что потом ночами снится. А Вася красивее всех, с бородой своей горелой и в кепке с помойки. Тоже, небось, вырос у всех на глазах. Вы, может, с ним за одной партой сидели и на выпускном танцевали?

– Про Васю Шутова не смейте! – возмутилась Просто Наташа. – Он хороший был человек, маме моей дорогие лекарства покупал. Три года как пьет всего. Сначала в Бога поверил, а потом спился. Вы для моей мамы пальцем о палец не ударили, так что молчите тут мне!

Максим Т. Ермаков скептически хмыкнул. Поверить в то, что Вася-алкоголик пьет всего три года, было крайне затруднительно. Если так, то Вася двигался по жизни очень высокими темпами и мог бы, пойдя его судьба в другую сторону, за те же сроки построить, к примеру, завод. Вместо этого Вася разрушил себя и сейчас представлял собой небольшое кривоногое страшилище с мордой как фарш и с бессмысленной готовностью в проспиртованных глазках на подлость или на подвиг, как повернется бутылка. Из логова его ночами доносились глухие звуки пьяного веселья, нехорошая квартира тряслась, будто картонная коробка с битым стеклом. То и дело в логово заглядывал, проводя там немало времени, красноносый и блондинистый, как гусь, местный участковый. Тем не менее алкоголик Вася был москвич, выросший здесь, в свинцовом, с диким ветром из-за каждого угла спальном районе, и уже поэтому он считался благонадежнее, чем какой-то приезжий, тихо снимающий крошечную квартиру за немалые деньги.

– Все-таки с чего вы все решили, что наружка по мою душу? – раздраженно спросил Максим Т. Ермаков.

– А с того! – торжествующе выпалила Просто Наташа. – Они с Марией Александровной из четыреста шестой договорились, ходят к ней в туалет. Культурные мужчины, на лестнице не льют. Они и удостоверения ей показывали, и деньги, между прочим, платят, столько же почти, как вы за съем.

Мария Александровна для них отдельное мыло держит и полотенце. Приглашала их обедать у нее на кухне, чтобы не жевать на подоконнике, чаю свежего предлагала. А они ей отвечают: нет, госпожа Калязина, нам нельзя, мы глаз не должны спускать с четырехста десятой квартиры. Она заволновалась, конечно, человек пожилой, спрашивает их: а почему, что произошло? Они ей: очень там жилец для нас интересный. Ну, и как вы это объясните?

Пока Просто Наташа говорила, усиленно работая крашеным ротиком, Максим Т. Ермаков ощущал, как во всем его составе растет непонятная жажда: точно часть элементов таблицы Менделеева, из которых состоит живая органика, оказалась из него высосана. Машинально он выдернул из пачки сигарету; на Просто Наташу, поднявшую сизые бровки под прямым углом, он так посмотрел вверх вертикального огня зажигалки, что та закашлялась в кружку. Первые затяжки наполнили тело приятной истомой, закрубились в голове, и в этих клубах, призрачно повторявших конфигурацию мозга, стала оформляться некая привлекательная мысль.

– Вы, значит, денег хотите? – спросил Максим Т. Ермаков, протягивая Просто Наташе, у которой с большого фланелевого подбородка стекала кофейная капля, бумажную салфетку.

– Мне в магазинах все бесплатно продают? – огрызнулась та.

– Очень хорошо. Я вам предлагаю крутейший эксклюзив, – веско произнес Максим Т. Ермаков. – Я даю вам историю, на которой журналист делает имя раз и навсегда. Международное! Соответственно, и деньги подойдут. Так вот, тема: права человека и новый виток беспредела КГБ. Потому что не милиционеры у нас в подъезде дежурят! Это спецслужбы. Государственный, блин, комитет по доведению граждан до самоубийства!

У Просто Наташи сумка с деньгами тихо сползла с ослабевших колен. Она слушала, дыша раскрытым ртом, точно схватила горячее и никак не может проглотить. Максим Т. Ермаков старался как можно завлекательнее обрисовать специальных комитетчиков, обвешанных аппаратурой, их бредовые идеи насчет причинно-следственных связей и попрание ими гражданских свобод. Просто Наташа была, конечно, не самым удачным медиаагентом, и тратить тему на нее было немного жалко. Но если положить руку на сердце – хищные журналисты,

которыми Максим Т. Ермаков попытался припугнуть государственных уродов, существовали более в его воображении, нежели в действительности. Он, конечно, был знаком с некоторым количеством людей из рекламных отделов влиятельных медиа. В основном это были успешные женщины, молодые, но уже неопределенного возраста, слишком туго обтянутые кожей и одеждой, так что казалось, будто кто-то сзади держит их за складки в кулаке. Этим были безразличны любые человеческие истории; всякое явление мира представлялось им рекламой самого себя, их же работой было проследить, чтобы в параллельную медиареальность ничто из рекламообъектов не попадало бесплатно. Метафизические наследницы советских цензоров, они выпалывали реальность до каких-то ощутимых проплешин, от которых даже Максиму Т. Ермакову делалось не по себе.

Прочие знакомцы из медиасреды заводились у Максима Т. Ермакова на презентациях его молочно-глинистого продукта, устраиваемых фирмой для представителей прессы. Был некий Дима Рождественский, всегда полупьяный, всегда в темной сорочке и светлом шелковом галстуке, похожем на свежечищенную рыбину, с чем-то рыбным в оттенке свежевыбритых щек; был другой Дима, по фамилии, кажется, Кавков, всегда пьяный на три четверти, носивший грубые, будто слоновья шкура, джинсовые штаны и такие же многокарманные жилетки, полускрытые рыжей бородищей. Были и девицы, мордастенькие, худенькие, разные – их имена навсегда перепутались в сознании Максима Т. Ермакова, потому что он, вот убей, не помнил, которую из них трахнул на базе отдыха «Щукино», вдали от корпоративных шашлыков, при тусклом трепете грозы, словно одевавшей влажные тела в электрическую шерсть.

Все это была полубезработная журналистская мелочь, завсегда таи фуршетов, ни одного политического волка, способного раскрутить историю и устроить социальным прогнозистам все то, чего они заслуживают. Правда, существовал один человек, умный мерзавец Ваня Голиков, который года три назад вел на канале ННТ-TV злобную программу «Разговорчики», и страна знала его костистую физиономию, украшенную парой развесистых бровей и одним выдающимся носом, напоминавшим первобытный каменный топор. Но потом, в результате каких-то трений и чада с политическими искрами, Ваню поперли с канала. С тех пор Ваня сделался игральцем ветров, носивших его по Европе, откуда он приезжал пополневший и все более похожий на мирную крысу. Максим Т. Ермаков пересекался с ним случайно, в клубах средней руки, с горячими от задниц диванами. Несмотря на природную скупость, не позволявшую Максиму Т. Ермакову стать полноценным клаббером города

Москвы, у них с тусовщиком Голиковым образовались отношения взаимного кредита – легкие, по мелочи, с моментальным забвением сумм, так что скоро стало непонятно, кто кому в итоге должен. Эта неожиданная финансовая совместимость привела к совместимости духовной: беседы, которые они вели, не реагируя на приваливших справа и слева расслабленных девиц, касались всего мироустройства и конкретно – технологий успеха. Собственно, Голиков сам просил ему подбросить «тему, темку, ситуёвину», из которой он мог бы, приспособив к ней запал и шнур, соорудить бомбу. Но где теперь искать дискретного Голикова – было неизвестно. По последним сведениям, он работал в Праге на каком-то радио, а может, не на радио и вовсе даже не в Праге. Электронный адрес Голикова реагировал письмами-автоматами, мобильный номер траурным женским голосом объявлял себя несуществующим.

Для Просто Наташи история Максима Т. Ермакова была отличным шансом, которого она по большому счету не заслуживала. Но, кажется, радости от подарка она не испытывала. По мере того как развивался рассказ, жаркие розовые угли на ее осевшем лице превращались в пепел.

– Вы хотите, чтобы я заступилась за вас на страницах газет? – оскорбленно спросила она, когда Максим Т. Ермаков замолчал на какую-то минуту, чтобы поднять и зафиксировать хрустнувшей ручкой довольно-таки валковую часть оконного стеклопакета.

– Что, простите? – переспросил он, обернувшись.

– То, что вы хотите меня использовать в своих неблагоприятных целях, – заявила Просто Наташа, напыжившись на табурете. – Я всегда стараюсь для людей, и для вас старалась, ходила к главному, пробивала вашу рекламную кампанию. Вы тогда не воспользовались. У меня тоже есть карьера и репутация. Снова по вашим делам я бегать не собираюсь. Тем более позиция у вас сомнительная. Если от вас зависит предотвратить теракты, а вы не хотите – как отнесутся к публикации родственники жертв? Я, например, вам совершенно не сочувствую. Если завтра я сяду в метро, а туда подложат взрывчатку? Приятно мне будет?

– Вы что, совсем того? Сбрендили? – Максим Т. Ермаков крутанул согнутым пальцем у виска, отчего в голове образовался маленький вихрь. – Как такое может быть, чтобы от человека, мирно сидящего дома, зависели какие-то взрывы?

– Всякое бывает, – важно произнесла Просто Наташа. – Это при советской власти нам внушали, что нет ничего, кроме руководящей роли партии. Сейчас вон сколько появилось целителей, людей с магическими способностями. Раньше от народа скрывали! А в Кремле экстрасенсы служили, Брежнева на ногах держали, когда он был уже мертвец. А вы говорите! Я только потому еще жива, что со своим подсознанием работаю, а на врачей у меня никаких доходов не хватает.

– Так я и говорю о доходах! – воскликнул Максим Т. Ермаков, пытаюсь по сильнее надавить на безотказную педаль. – Еще раз повторяю: мой сюжет политический. Горячий пирожок! Слушайте внимательно ключевые слова: права человека, свобода, кагэбэ. Понимаете, какими гонорарами пахнет?

Вдруг Просто Наташа часто замигала и стукнула кольцами по столу, отчего из пепельницы поднялось и осело на пластик серое облачко пудры.

– Прекратите вмешивать меня в эту вашу грязь! Слышать больше не хочу! Я про театр пишу, про культуру, если вы в состоянии это осмыслить! Меня народные артисты знают, руку целуют. Я всю жизнь на это работала, а вы теперь подстраиваете, чтобы меня отовсюду выгнали, да, так? – Просто Наташа тряслась от негодования, поспешно нашаривая под ногами вялую тушу розовой сумки. – Вот что я вам скажу, молодой человек. Я хотела всего лишь повисить вам квартплату за неудобства и риски. Теперь понимаю: вас оставлять нельзя. Чтобы за неделю вы освободили мамину квартиру, ясно?

С этими словами Просто Наташа бурно ринулась в прихожую, где стала напяливать свой ужасный кожано-картонный плащ, придерживая несколькими подбородками накрест сложенный шарфик.

– Не забыли, у нас договор! Вы его внимательно читали? Выселять не имеете права, я ни одного пункта не нарушил! – крикнул ей вслед Максим Т. Ермаков.

– Насрать на договор! Попробуйте хоть на день задержаться! Выброшу ваши пидорские костюмчики из окна! – отвечала Просто Наташа, хватая сумку в охапку и выскакивая на лестницу.

«Ну, блин, старая проститутка! Проблема, нах, на ровном месте!» – думал Максим Т. Ермаков, ковыляя ей вслед, чтобы запереть оскверненную дверь.

Вместо этого он распахнул дверь на полную ширину и заорал на весь сырой и тусклый лестничный колодец:

- Не съеду! Козлины! Трубу вам метровую в жопу и в рот!

Он успел увидеть, как Просто Наташа погрозила ему из лифта белым кулаком с чернильным перстнем, и лифт, потряхиваясь, как возок, поволок свой груз на первый этаж. На фоне дождливого окна, будто на серебряной фольге, темнели два мужских остроносых силуэта, и Максим Т. Ермаков запустил в их сторону беззвучно канувшим тапком.

Где же все это время был пистолет?

Подержанный ПММ оставался там, куда его засунул Максим Т. Ермаков сразу после первой встречи с социальными прогнозистами. Он валялся в среднем ящике офисного стола, среди мелкой дребедени вроде глючных дисков, иссякших зажигалок и пересохших маркеров; он елозил там и крушил своей оружейной тяжестью хрупкую пластмассу. Первое время Максим Т. Ермаков надеялся, что ПММ исчезнет сам собой; он думал, что если вещь, которую обычно прячут, оставить в доступном месте, то ее по определению украдут. Не тут-то было. Похоже, даже уборщица обходила рабочее место Максима Т. Ермакова подальше: стол зарастал пылью, однажды пролитый кофе превращался в покрытое шерстью родимое пятно. Теперь зона обитания Максима Т. Ермакова выглядела в офисе будто тусклый остров, где самого обитателя можно обнаружить по свежим, как бы медвежьим следам.

Наконец, однажды Максим Т. Ермаков взял увесистый ПММ в руку и задумался. Поскольку оружие предназначалось для одного-единственного действия - краткой механической конвульсии между пальцем и виском, вроде гипертрофированного жеста, каким показывают, что у человека не все дома, - то социальные прогнозисты не позаботились снабдить Объект Альфа причиндалами для ношения пистолета: кобурой, постромками, что у них там еще есть на этот случай. Будучи помещенным в пиджак (а Максим Т. Ермаков любил пиджаки из тонкой шерсти на шелковой подкладке), ПММ безобразно оттягивал карман; кроме того, на его железную тяжесть отзывалась печень, моментально твердевшая, даже как будто перенимавшая у ПММ его прямой угол, упиравшийся в ребро. Максим Т. Ермаков как физическое тело очень плохо

совмещался с пистолетом. Поэтому он не придумал ничего лучшего, чем поместить ПММ в портфель, чтобы в нужный момент, сорвав крышку с деликатного замочка, стряхнуть портфель с оружия, будто тряпку, и выстрелить.

Все своей раздражительной кожей он улавливал мятное дуновение опасности. Плохо было уже с утра. Казалось, будто социальные прогнозисты, побывавшие в квартире, не ушли, а именно растворились в воздухе. Они давали знать о себе едкими техническими запахами, странными темнотами, из-за которых, стоило в сумраке раннего зимнего часа стукнуть выключателем, с нежным звоном лопались перегоревшие лампы. По ночам голова Максима Т. Ермакова работала, будто стиральная машина, проворачивая гигабайты какой-то сырой информации, всасывая и сливая пенную муть – снившуюся в виде моря, которое надо постирать со всем его содержимым. Максим Т. Ермаков вставал с постели разбитый, шлепал Маринку, все чаще остававшуюся ночевать, по звонкой, как мяч, холодной ягодице, яростно брился и щерился в зеркало. Наступал суровый день, готовивший Максиму Т. Ермакову пакостные сюрпризы.

Очень может быть, что причинно-следственные связи, для которых персона Максима Т. Ермакова служила болезненным узлом, ставили ему ловушки, так сказать, на общих основаниях. Обледенелые ступени подъезда, скользнувшие из-под подошвы и заставившие сесть как будто на вертикальную молнию, объяснялись вчерашними осадками да ночным морозцем, превратившим дорожное полотно в стиральную доску. По этим предательским горбам все ползти осторожно, Максим Т. Ермаков на своей «тойоте» осторожней всех. Все-таки за два светофора до офиса его поволокло под уклон, будто пацана на фанерке, и Максим Т. Ермаков, чувствуя всей отбитой, словно замороженной, задницей ускользящую твердь, вкусно поцеловал столб.

Все это было, блин, херово, но не выбивалось из общего порядка. Когда же на следующий день, оставив расквашенную «тойоту» в дружественном сервисе, Максим Т. Ермаков шел себе по улице, то предметом, просвистевшим и лопнувшим на месте его уже занесенного, без одной секунды сделанного шага, была не сосулька, а толстая шампанская бутылка. Максим Т. Ермаков застыл, с дрожью в животе, перед разверзшейся прямо под ногами черной звездой. Он не обратил внимания на подбежавших, тоже пеших, опекунов, зачем-то пощупавших ему зыбкий, как болотная кочка, затылок и задравших головы вверх, откуда прилетела и буквально на сантиметры промазала стеклянная смерть. Сбросив наконец кагэбэшные длинные руки, Максим Т. Ермаков, будто

животное, у которого от природы не заламывается шея, все-таки извернулся и сощурился туда, где с балкона «сталинки», напоминавшего театральную ложу, свешивались маленькие темные лица и слышался свист.

Ну, предположим, некая компания что-то там безбашенно праздновала и спустила с балкона пузырь, на кого бог пошлет. Но как объяснить ситуацию с квартирной дверью? «Сдохни-суку» Максим Т. Ермаков честно отмыл. Но на другой же вечер, выйдя из лифта, он увидел свежий, малярно-размашистый текст, гласивший: «ЗАСТРЕЛИСЬ КОЗЕЛ!!!!» Кроме того, вся стена вокруг двери и ниже, по скосу лестницы, была испохаблена красящими распылителями, матерные слова клубились, как синий и красный туман, да копотью на видном месте был изображен тугой, будто связка из трех воздушных шариков, полуметровый член. Двое служак дисциплинированно сидели на подоконнике, между ними на этот раз была не пища, а кропотливо расставленные шахматы, над которыми они витали, щупая фигуры. Максим Т. Ермаков постоял, подумал, вернулся в кабину лифта, по которой с вольным грохотом каталась бутылка из-под пива, и спустился на первый этаж. Во дворе он чинно поздоровался с Марией Александровной, интеллигентной каргой в прогнившей беретке, тащившей на поводке свою похожую на диванный валик жирную таксу. Краем глаза засек и проигнорировал группу курящих граждан, при виде Максима Т. Ермакова поспешно развернувших, отбегая друг от друга, длинный транспарант, ломкий на ветру. «Ладно, знаем, таких демонстрантов пучок на пяточок, одни и те же ходят за одни и те же деньги хоть к несогласным, хоть к спасающим Россию, хоть на ток-шоу “Глас народа”», – злобно думал Максим Т. Ермаков, спускаясь в подвальный мини-маркет. Там он поприветствовал желтоволосую кассиршу, ответившую золотозубой ласковой улыбкой, и сделал скромную покупку. Уже через десять минут он снова стоял на своем этаже, держа на каждой руке, словно по сидящему толстому младенцу, по трехкилограммовому пакету муки пшеничной. «И что же все вас так боятся, господа кагэбэшники?» – сказал он себе, спускаясь к двоим, поднявшим на него безразличные глаза от шахматной доски, на которых черные и белые уперлись друг в друга со страшной и бессмысленной силой, будто костяшки двух кулаков. Поскольку пакеты были открыты заранее, мука из них свободно потекла на потертые макушки социальных прогнозистов. Оба совершенно неподвижно приняли на себя по три кило прилипающего рыхлого продукта, только моргали одинаковыми белыми ресницами, медленно превращаясь в два чудовищных опенка.

– А теперь ступайте к госпоже Калязиной мыться, – назидательно проговорил Максим Т. Ермаков, когда пакеты испустили последний белый вздох и иссякли. – Впрочем, Мария Александровна, кажется, еще выгуливает собачку. Придется

потерпеть, дорогие товарищи. Может, вспомните пока, кто тут в подъезде хулиганит. Или это вы сами изволили поработать? Тогда помойте, пожалуйста, дверь, я вчера мыл, мне лениво.

Вдруг набеленная рука, словно пясть скелета, цапнула Максима Т. Ермакова повыше хрустнувших часов, и стало так больно, что бумажный пакет мутным облаком выплыл из обездвиженных пальцев. За дрогнувшим окном электрические пятна стали точно свежeweылитые яичные желтки с кровью. Близкие красные глаза смотрели из морщинистого теста с таким выражением, будто больно было не Максиму Т. Ермакову, а самому социальному прогнозисту.

– Послушай, человек, у тебя совесть есть? – хрипло спросил государственный урод голосом обыкновенного простуженного мужика.

– Иди в жопу! – энергично и браво отозвался Максим Т. Ермаков, несмотря на то, что боль поднималась от захвата упругими кольцами и расцветала в голове.

– А есть у тебя честь, достоинство? Сердце у тебя есть? Знаешь, что переживают люди под завалом? А заложники? Одного себя жалко? – продолжал занудно агитировать государственный урод.

– Пошел на хер! – все так же бодро и убежденно ответил Максим Т. Ермаков, уже ничего не ощущая ниже плеча.

На это социальный прогнозист скривился и отпихнул Максима Т. Ермакова, слегка осыпавшись от толчка на подоконник и припудренные шахматы. Похохатывая и шипя, Максим Т. Ермаков поднялся на лестничный пролет и принялся одноруко возиться с ключами, норовившими выскользнуть; левая рука болталась и мешала, будто надувная. Примерно через час, кое-как повесив одежду, валившуюся с плечиков, и завязав при помощи зубов новый просторный халат, Максим Т. Ермаков не отказал себе в удовольствии глянуть, как там пекутся в тесте дежурные кагэбэшники. Социальных прогнозистов не было на подоконнике; старуха Калязина громадным рыжим веником, терявшим будылья, заметала мучные разводы с кафельной плитки. «Господи, господи, что делается, ты только глянь, с ума все попрыгали, господи, жить-то как...» – бормотала она, тряся серьгами и подбородками; серый комочек волос у нее на макушке походил на катышек пыли. При виде старухи Максим Т. Ермаков физически почувствовал у себя в груди, сразу за ребрами, плотную преграду, о которую разбивалась

вдребезги эта взывающая к жалости картина. «Сердце им мое понадобилось. Обломайтесь, падлы», – злобно подумал он, шарахнув дверью по косяку.

Видимо, привечавшая кагэбэшников карга все-таки дозвонилась до Просто Наташи. Дня, назначенного квартирной хозяйкой для выброса костюмов в окно, Максим Т. Ермаков ожидал с некоторым трепетом. Ничего, однако, не случилось, и Максим Т. Ермаков успокоился, с усмешкой вспоминая грозивший из лифта пухлый кулак. Но успокоился он совершенно зря – и напрасно пришел в хорошее расположение духа, получив, наконец, из сервиса «тойоту», выправленную и подкрашенную, но сохранившую на морде удивленное выражение, словно она никак не могла забыть тот, в шелухе заледеневших объявлений, шестигранный столб. Подруливая к подъезду, нацеливаясь ловко скользнуть на пяточок между симпатичной «хондой» и похожим на конский череп остовом «москвича», Максим Т. Ермаков увидел беду. Сизое голое дерево, бывшее в летнее время года плохоньким кленом, теперь напоминало нечто зонтикообразное из африканской саванны. Лоскутья, образовавшие плоскую крону, были странно антропоморфны, и Максим Т. Ермаков сразу догадался, что там висит. Он узнал свои вещи с тем странным чувством, с каким узнаешь себя в случайном уличном зеркале. Тот, твидовый, цвета горчицы, пиджак он покупал на сейле в Harrods, а графитовый, в тончайшую светлую полоску костюм – из Парижа, из Galeries Lafayette. Теперь все это болталось, пропитывалось моросью, расплывалось бесформенными кляксами.

Отсыревшие зеваки, среди которых преобладали политические наймиты социальных прогнозистов, стояли хороводом, будто дети возле новогодней елки. Держа руки в карманах, Максим Т. Ермаков подошел поближе. Какой-то тип, приличный по виду дядька, налитый здоровьем по самую кожаную кепку, осторожно тряс коматозный неподатливый ствол; другой, в свалывшейся вязаной шапке поверх нечистых хлопьев седины, щупал вздутыми лапами перепачканные и совершенно беспомощные светлые брюки. Тут же топтался, задирая горелую бороденку, алкоголик Шутов с пятого этажа, с ним – две его девицы предельно легкого поведения: одна долговязая и длинноносая, похожая в короткой шубе из намокшей чернобурки на больного страуса, другая маленькая, испуганно смотревшая на Максима Т. Ермакова, сжимая на груди ручки, напоминавшие белыми косточками школьные мелки. На слякотном газоне, на серой икре исчезающего снега, тут и там светло поблескивали вытрясенные из костюмов мелкие монетки, белела раздавленная пачка сигарет.

Даже если все отдать в чистку, носить будет невозможно. Максим Т. Ермаков, ворча под нос, побрел к лифту. Наверху, в квартире, было по-уличному свежо: вероятно, Просто Наташа совсем недавно завершила свой яростный подвиг. Пустой распахнутый шкаф являл фанерный задник и криво сбившиеся вешалки, внутри него при зажженной люстре было так светло, что резало глаза. На дверце, на специально приделанной жильцом держалке, сдержанной шелковой радугой сияли нетронутые галстуки – тщательно подобранные к тому, что было теперь уничтожено. На ужасном «мамино» столе, на самом виду, валялся грубо раскрытый, треснутый до жил переплета, старый ежедневник; деньги, выпотрошенные из-за обложки, с демонстративным лицемерием помещались рядом, прижатые мраморным, похожим на кусок сероватого мыла, письменным прибором. Тут же лежал косо выдранный из ежедневника лист, измаранный червячками мелконых слов, которые Максим Т. Ермаков, сощурясь, еле смог разобрать. Записка гласила: «Я вас предупреждала, а вы подумали я просто так говорю. Все соседи против вас настроены (неразборчиво) очень серьезно. У нас тут живут хорошие люди, ветераны войны и труда – никто не хочет жить с вами рядом. Убирайтесь!!! Я взяла из ваших (зачеркнуто) денег 7 тыс. руб. долг за дверь».

Так Максим Т. Ермаков остался в чем был, в чем приехал домой. Не то чтобы он был так привязан к тряпкам... Нет, долбаные суки! Был, был привязан, любил и холил, нравился себе во всем этом комфортабельном, слегка консервативном, обожал легчайший, обволакивающий жарок кашемира, сырую грубоватость льна, ценил небанальные оттенки, вылизанные технологии и то, что называется линией – видное с полувзгляда настоящее качество для настоящих людей. Теперь у Максима Т. Ермакова было ощущение, будто его самого, а не только его одежду, вышвырнули с седьмого этажа в холод и грязь. Его бесило, что клочковатые пальтишки социальных прогнозистов, испорченные мукой, вместе не стоили подкладки твидового красавца, чья изначальная цена в Harrods была шестьсот пятьдесят фунтов.

Наутро голый клен, принявший на себя гуманитарную помощь местным бомжам, был переломан и пуст, половина ветвей, замусоривая остатки дерева, висела на мерзлых лентах коры, и вместе все это напоминало рваную паутину с попавшими в нее многоногими насекомыми. Чувствуя себя в единственном оставшемся костюме (родной, хоть и позапрошлогодний Gianfranco Ferre) так, будто спал не раздеваясь, Максим Т. Ермаков вместо ланча, забив на встречу с безмозглыми нытиками из продакшен-студии, мотанул на интенсивный шопинг. Впервые его раздражали армейские выправки висевших строем пустых пиджаков, играющие глазки неповоротливых девиц, пошедших в мужские отделы только

для того, чтобы в самый неподходящий момент соваться с предложением целой охапки кое-как надерганных шмоток в примерочные кабинки. Извиваясь в скотской тесноте этих одиночных камер, криво зашторенных ненадежными тряпками, Максим Т. Ермаков обливался ужасом при мысли, что в соседней примерочной, с изнанки зеркала, отражавшего разные стадии его полуодетости, кто-то прямо сейчас налаживает бомбу. Купленный в результате костюм, выглядевший при жарком торговом освещении весьма похожим на один, некогда облюбованный на бульваре Осман, дома оказался свински-розоватым, с большими бутафорскими плечами и вытаращенными пуговицами.

Все это время Максим Т. Ермаков думал, думал, думал. Он-то хотел, чтобы его личная война с социальными прогнозистами была красивой, посрамляющей тупых большевиков, которые вместо того, чтобы грохнуть недомерка Сталина, гуртом тащились в лагерь. А получалась коммунальная склока того народного уровня, когда оппоненты гадят мимо общего ржавого унитаза и плюют друг другу в суп. Максим Т. Ермаков начинал понимать всю беспощадность и безысходность коммунальных войн, чреватых материальными потерями и в конечном итоге, как это ни смешно, опасных для жизни. Он не находил в себе того концентрата бытовой, по сути бабьей, злости, который, будучи разведен в жижице повседневности, дает драйв неустанно пакостить врагу. Злость его была другого, метафизического сорта. Права Индивида Обыкновенного, желающего безо всяких комплексов и помех пить свой чай с калачом, попирались безнаказанно и бесплатно – и Максим Т. Ермаков собирался свою обыкновенность отстоять. Перед превосходящими силами особого государственного комитета он ощущал себя черным припудренным камушком, из тех, что попадают в крупе и, заваренные в каше, ломают зуб едоку.

Однако социальным прогнозистам был, похоже, на руку именно народный уровень войны. Они собирались измотать несговорчивый Объект Альфа силами гражданского населения, с его промышленными запасами коммунальной злости и врожденной склонностью лнуть к спецслужбам. Максим Т. Ермаков почти не сомневался, что пикетчики с пасмурными мордами, оживлявшиеся при его появлении на манер больших тряпичных марионеток, сданы кагэбэшникам в аренду какой-нибудь мелкой политической партией, и в криках, в попытках швыряться хлюпающими гнилыми овощами нет ничего личного. Но было что-то донельзя опасное в праздничном возбуждении соседей, в их внезапном взаимном радушии, в бравой осанке трех-четырех проспиртованных стариканов, как бы в одночасье поправивших здоровье.

На первый взгляд было разумнее всего съехать из Просто-Наташиной однушки, оставив позади все эти дурные заморочки. Но по трезвому размышлению получалось, что съезжать никак нельзя. Вряд ли объект, обложенный со всех сторон, сможет снять другую квартиру – вряд ли ему позволят это сделать. Стало быть, придется бомжевать – превратиться из гордого Индивида Обыкновенного в бессмысленную органику с синюшной кровью, впитывающую сквозь вонючее тряпье смертельный холод асфальтовой и каменной Москвы. Либо откатываться из столицы, уезжать по месту прописки в свой областной городок, славный металлургическим заводом и гигантскими, похожими на сплетение могучих кабелей, пирамидальными тополями. Там, на территории, погруженной в ядовито-солнечную промышленную дымку и управляемой добряком-губернатором вручную, достать человека будет проще простого. Значит, надо держаться за эту квартиру, за Москву, за свой шоколад, по которому все никак не выделяют полугодовой промобюджет.

По сути, у социальных прогнозистов нет никаких реальных рычагов, чтобы сдвинуть Максима Т. Ермакова с насиженного места. Или он так наивен? Надо, надо беречь себя, маниакально соблюдать за рулем правила движения, не соваться больше в крупные торговые центры, не ходить беспечно под балконами, под всякими навесами и козырьками, на которых растут кривые сосули, мутные и пьяные, будто банки самогона, при этом способные, в искривленных координатах причинно-следственных связей, лететь и поражать с точностью стрел. Что еще? Алкоголь и наркотики – совершенно исключить. На самом деле Максим Т. Ермаков давно слыл в этом отношении мужчиной со странностями. Его, всегда одетого, по выражению Гоши-Чердака, «по-министерски», пьющего и нюхающего так, будто он делает всей вечеринке великое одолжение, пригламуренная мелкая тусня считала то пошлым понтырщиком, то зачаточным великим карьеристом. В действительности ни крепкое питье, ни колеса, ни порошки совершенно не забирали Максима Т. Ермакова. Весь эффект сводился к тому, что его антигравитационный мозг, получив удар, несколько минут посылал в пространство свои бесчисленные копии, а потом наступала пронзительная ясность, болезненная, как визг ножа по стеклу. Максим Т. Ермаков тратил деньги на эти антиудовольствия исключительно из чувства приличия, о котором теперь следовало начисто забыть. Даже краткая потеря контроля над собой давала причинно-следственным связям дополнительный шанс. Тем более нельзя было соваться в темные арки и проулки, с их особой акустикой, превращающей позднего прохожего в топчущую хриплую приманку. Совершенно не следовало срезать недлинный путь из мини-маркета по соседнему двору, где еле горят фонари и оплывает под дождем, превращающим глину в гороховый суп, бесхозный

котлован.

В мире, словно маслом смазанном опасностью, в мире скользющем, лишенном тормозов осмотрительный человек выглядит, вероятно, таким же безумцем, как в мире нормальном и устойчивом – гоняющий с зашкаленным спидометром обкуренный придурок. Возможно, именно безумие овладело Максимом Т. Ермаковым. Возможно, ему что-то начало мерещиться. Когда он – в отрешенном унынии – все-таки поперся с покупками соседним двором, сзади, в темноте, словно кто-то кашлянул в кулак, и Максиму Т. Ермакову показалось, что его сильно дернули за ухо. Тотчас кашель повторился, звякнула валявшаяся на земле ужаленная железка, еще несколько сочных пуль ушло в глину. Может быть, эта дергающаяся темнота была персональной неврастенией Максима Т. Ермакова, но он отшвырнул подальше светлый пакет с перевернувшимся ужином и бросился за гаражи.

Все это было не очень правдоподобно. Все это было совершенно не нужно никому, прежде всего самим социальным прогнозистам. Тем не менее Максим Т. Ермаков, с пластырем на оттопыренном ухе, из которого будто дыроколом выкусили край, взял из офисного стола казенный ПММ и перевел его в портфель.

– Да брось, Максик, не парься. Ты у нас, наоборот, везунчик, – увещевала Маринка, ласково щурясь на собственный ноготь, по которому набухшая кисточка проводила алую черту.

– Ну да, как же. Везет как утопленнику, – пробормотал Максим Т. Ермаков, только что вылезший из душа, весь в бледных каплях и распаренных родинках. – Прямо шагу ступить нельзя, чтобы не огрести счастья.

– Посмотри на вещи объективно, – рассудительно возразила Маринка, продолжая закрашивать свои крупные крепкие ногти, каждый почти с куриное яйцо. – Ты об этот столб мог убиться вообще, но только помял бампер. Бутылка с балкона летела прямо в темечко, но промазала. Пусть даже в тебя стреляли – но ведь не застрелили же, ухо вон почти зажило. Кто-то отводит от тебя беду. Моя бы бабка сказала, что у тебя ангел стоит за плечом. Даже эти придурошные во дворе: ну, кидают помидорами, так ведь опять же мимо...

– Помидорами попали, – мрачно сообщил Максим Т. Ермаков, плюхаясь в постель.

– Вот козлы косорукие! – вскинулась Маринка. – И что?

– Носил пальто в итальянскую чистку, не взяли, – неохотно ответил Максим Т. Ермаков. – Сказали, все, испорчено, пятна не отойдут. И без толку новое брать. Буду теперь ходить по Москве, будто колхозник по ферме. Вон, кожан старый вытащу, который дома на Красногорьевском брал, и пойду.

– Да уж. Как колхозники мы и дома могли ходить. Стоило ехать в Москву, чтобы здесь носить шмотки с Красногорьевского рынка, – Маринка скривила тонкий длинный рот, которому всячески пыталась придать более пухлые очертания, рисуя губным карандашом по светлому пушку так, что нередко казалось, будто у нее носом идет кровь.

Она сняла с алеющего ногтя невидимое ватное волоконце и отстранилась, любуясь красотой. В последнее время она взяла обыкновение раскладывать у Максима Т. Ермакова свое маникюрное хозяйство, состоявшее из ломаных тюбиков, крашенных ваток, похожих на елочные игрушки толстеньких бутылочек и воняющее ацетоном, как целый квартирный ремонт. Процесс были кропотлив, Маринка сушила ногти не менее часа, манипулируя маркированными пальцами, будто деликатными щипчиками. Прежде она никогда не тратила на Максима Т. Ермакова больше времени, чем это было нужно для быстренького «мейк-лав» и несколько более длительного «мейк-ап», приводившего размазанное лицо в первоначальный нетронутый вид. Теперь же она будто заново осваивала Максима Т. Ермакова и все, что к нему относилось. Она разбрасывала повсюду патрончики с помадой и кружевное бельишко; пометив таким образом территорию, хозяйничала на кухне, сооружая единственное, что умела: тяжеленный борщ с мозговой костью, напоминающей целый сваренный дуб. Простейший «мейк-лав» она обогатила целым набором прихотливых приемов, чье киношное происхождение выдавал ее блестящий взгляд из-под спутанных волос в сторону предполагаемого зрителя. Она вертела загорелой пряничной попой и играла полоской трусов, будто хулиган рогаткой. Своими яркими ногтями она чесала Максима Т. Ермакова, точно любимую свинку; язык ее жегся и таял, будто бесконечный глоток коньяка. В этом новом сексе она была агрессором, а Максим Т. Ермаков – недотрогой с полыхающими нервами. Когда он, однако, был уже готов лопнуть, она оказывалась внутри неотзывчивой, будто туфля, забитая песком. Как это получалось, Максим Т. Ермаков не понимал.

– Ма-аксик! Ну Ма-аксик, не смотри на меня так! – Маринка обернулась, осторожно завинчивая валкий бутылек. – Я, что ли, тебе испортила пальто?

– Чего мяучишь, как ма-асквичка? – раздраженно отозвался Максим Т. Ермаков. – Думаешь, не слышно, как стараешься? Это они тут котики и кисоньки, а мы собаки. Г-хав! Г-хав!

– Вот гхто гхавкает, тот в палатках бананами торгует, – отрезала Маринка и, дую на растопыренные пальцы, боком привалилась к Максиму Т. Ермакову. – А может, я твой ангел-хранитель? – кокетливо проговорила она, бодая его в плечо.

– Да уж это вряд ли, – пробормотал Максим Т. Ермаков, приобнимая Маринку под грудь. – Мои ангелы вон, в подъезде на подоконнике сидят.

– Плюнь ты на них, – горячо зашептала Маринка, поплотней притираясь к Максиму Т. Ермакову. – Плюнь и разотри! Ма-асква злая, нас не хочет. А мы еще злей! Выбрал тебя кто-то и прессует, чтобы нам было неповадно сюда приезжать. А ты оказался крутой! Круче всех мажористых мальчиков, которым только погрози, и они обделались! Вот как!

Шепот Маринки был осязаем, как густой и жаркий мех. Максим Т. Ермаков против воли широко ухмыльнулся.

– Максик, ты крепкий орешек! Как Брюс Уиллис! – поддала жару Маринка, все шибче работая бедром. – Пусть злые люди против тебя, но я-то с тобой! М-м-м... Уау! Максик! Максик, помнишь, я пришла к вам на выпускной... С этим Лешиком прыщастеньким... А ты мне тогда мороженого принес... И туфли раздавил прямо с ногами... Я тогда совсем не разозлилась, нет... Да, молнию там расстегни... Максик, я не хотела тебе раньше говорить, я же за тобой в Москву приехала... – Маринка извивалась, пачкая ногтями простыни, лицо ее пылало в паутине разметавшихся волос. – Максик, а хочешь, замуж за тебя пойду?

Вот те раз!

Провинциалы, приехавшие в Москву, не любят своих земляков. Начиная жизнь с нового столичного листа, они предпочитают чувствовать себя не детьми отстойных, использованных жизнью отцов и матерей, но порождениями поездов, дотащившихся беременными до столичных вокзалов и отложивших на перронах

свои железные личинки. Никому не нужны свидетели, помнящие нынешнего крутого тусовщика на родном зажопинском дискаче, получившего локтем в нос от расплясавшейся телки, которую шел пригласить, или его же пятью годами раньше, в уродском полушерстяном костюмчике, читающего на школьном конкурсе стишки про родимый простор. Этот самый простор – бесконечные, на разные стороны расчесанные поля, миражи обогатительных комбинатов, густая медленная речка, по которой, кажется, можно писать пальцем, старая колокольня, обыкновенная, как пустая бутылка, и над всем этим какой-то страшной силы солнечный воздух, точно в нем идет электролиз, покрывающий облака ослепительным металлом, – этот пресловутый простор и правда таил в себе подспудные смыслы, но в Москве становился лишним, уцененным до нуля. Прошлые, домосковские победы здесь, в столице, оказывались позорней и обидней прошлых поражений. По этой логике Маринка, приехавшая завоевывать столицу со свеженькой победой на городском, проводимом под эгидой жизнерадостного мэра, конкурсе красоты, должна была обходить Максима Т. Ермакова за километр.

Маринка и правда представляла собой предельный образчик женского совершенства, какой только могла породить ленивая волнистая земля, так низко сидящая по отношению к небу из-за тяжести железных руд в брюхе. Элементы этой красоты, примелькавшиеся на улицах областного центра, как бы розданные всему женскому населению по справедливости, не означавшей счастья, соединились в Маринке избыточно. Из-за этого ее большие, чуть припухшие глаза и гладкие черные волосы, достигавшие сзади карманчиков тесной джинсовой юбки, казались ворованными, чужими. Маринка была панночка, панночка-ведьма. Лет, должно быть, с тринадцати, а то и раньше, она привлекала тучи особей сильного пола, от гормонально изнуренных старшеклассников до волосатых байкеров и рано пополневших, как бы обобщенных этой полнотой до одного простейшего мужского типа, представителей городского комитета по делам молодежи. Говорили, что ее отец, стокилограммовый пьянчуга с круглой красной рожей, будто только что выпеченной в глубокой сковородке, порет Маринку солдатским ремнем. Среди вившихся вокруг нее распаленных конкурентов находилось немало желающих это подтвердить. Все сходило с Маринки как с гуся вода. Она участвовала в каких-то инициативных группах молодежного развития; она танцевала в ансамбле «Зеленопольские зори», поблескивая со сцены сильно подведенными, как бы слезными глазами, поднимая матовую ножку на фоне герба области, соединявшего лебедя и стилизованный шагающий экскаватор.

На выпускной к Максиму Т. Ермакову она, наглая малолетка, явилась не просто так, а в качестве руководителя творческой студии молодежного досуга; плечистый Лешик, вовсе не прыщастенький, а, напротив, цветущий, как мак, состоял при ней секретарем. Никакого Максима Т. Ермакова Маринка не видела в упор. Она пришла не веселиться, а курировать: щурилась на выпускные напряженные пары, топтавшиеся в «медляке», будто шаткие четырехногие табуреты, и беседовала со школьным директором, смущенно кашлявшим в кулачок и, по-видимому, ощущавшим уровень ее минималистской юбки точно уровень воды, подступавшей ему под пах. Растаявшее мороженое – последнюю вазочку с опухшим содержимым – Максим Т. Ермаков понес Маринке с умыслом и туфли ей раздавил специально: эти носатые штуки, обильно украшенные бусинами и фальшивыми камнями, тихо злили Максима Т. Ермакова, так что до невозможности хотелось наступить и хрупнуть.

Вышел скандал; Максиму Т. Ермакову, якобы напившемуся вдрызг и опозорившему школу, не хотели давать аттестата. Он не мог предположить, что впоследствии из этого случая в Маринкиной девичьей памяти возникнет целый небывший роман. Впрочем, все, что с ней тогда происходило, было материалом любовных сюжетов; все мужские особи по-разному выражали одни и те же чувства, которые Маринке, вероятно, казались еще более одинаковыми, чем они были в действительности. Ощущая в своей голове только нематериальные процессы, Максим Т. Ермаков распознавал Маринку как материальность повышенной плотности, слиток материального. Разумеется, она-то не чужла ничего необычного в толстом выпускнике, от которого, сказать по правде, вовсе не пахло спиртным, а тянуло каким-то пресным сквозняком. Максим Т. Ермаков и сам тогда не сознавал, что уродился с аномалией в башке – Объектом Альфа, блин!

Вот кому-кому, а Маринке, первой красавице и первой суке среди юниорок родного края, не следовало перебираться в Москву. Областному геральдическому лебедю, раскинувшему над квадратным экскаватором треугольные крылья, она была прирожденная Леда. Если бы она осталась дома, то сделалась бы, пожалуй, высоким начальством и боевой подругой губернатора – широкого телом и душой усатого батьки, весьма поощрявшего талантливую молодежь. Все испортил конкурс красоты, на котором Маринка, дефилируя в тугом купальнике, сразила строгое жюри линией бедра, распространявшего при каждом шаге ударную волну. Победа и увенчание диадемой из стразов Сваровски сильно подняли Маринкину цену. Она захотела эту цену получить.

Кажется, она перевелась из местного экономического вуза в столичный или что-то в этом роде. К Максиму Т. Ермакову она явилась, чтобы перехватить немного денег, – и сразу, с красногорьевской рачительностью, отработала долг на осыпавшемся бумагами и бешено колотившем ящиками офисном столе. С тех пор Максим Т. Ермаков стал для Маринки запасным кошельком и по совместительству приятелем, с которым она обсуждала козни Москвы.

– Ты не представляешь, сколько здесь блядей, – жаловалась она, выйдя из очередного приключения сильно зареванной и сильно напудренной. – Из-за них у богатых мужиков не осталось ничего человеческого. Зачем такому мужику отношения с девушкой? Ему стоит пальцем поманить, и он получает любой секс, какой захочет. И по его масштабам за сущие копейки. Ему же негде кофе выпить, чтобы там не сидели три-четыре девки в блядских ботфортах. Бляди – они как вирус. Ломают у мужиков нормальную программу. Вот говорят: мол, с Украины, с Молдовы понаехало шлюх. Но если хочешь знать, москвички хуже приезжих. Такое из себя воротят! А как врут! Считают, что им по определению больше надо и больше полагается. Тогда чего дают себя снимать за двести баксов? На карманные расходы? Папа с мамой мало денюжек дают? Сидели бы, твари, по своим квартирам...

На это Максим Т. Ермаков только пожимал плечами. Цена в двести баксов его вполне устраивала. В то же время он, на свой отстраненный манер, сочувствовал Маринке. Маринка и правда очень старалась. Из своей бурливой речи она, как могла, вытраивала южнорусское гхеканье и усердно подражала кошачьим маасковским гласным – правда, у нее получалось скорее не мяукать, а квакать. Она приделалась на сейлах, сменила глупое золото на стильную бижутерию и уже не выделялась на гламурных корпоративках и закрытых вечеринках, куда правдами и неправдами умудрялась проникать. Иногда ей как будто даже везло. Она была замечена под руку с крупным ресторатором Мамедовым, большим и влажным мужчиной, проступавшим сквозь рубашки тонкого полотна, как проступает селедка сквозь слои оберточных газет. Видели ее и в обществе покрытого шрамами и крепкого, как футбольный мяч, генерала Ярцева, лично корпевшего над книгой мемуаров, подозревая всех помощников в искажении смысла и поражаясь тараканьей увертливости обыкновенных русских слов. Ради этой книги якобы и была приглашена Маринка, всегда сдававшая школьные сочинения самой первой – и всегда с недовложением запятых. От генерала Ярцева она перешла к издателю Полянскому, некоторое время возившему ее на международные книжные ярмарки и даже купившему норковую шубу – во Франкфурте, в турецкой лавке на задах бангхофа, напоминавшей не магазин мехов, а полный пуха и пера полутемный курятник.

Шуба, впрочем, шла Маринке необыкновенно. Ей бы пришлось к лицу и небольшая дамская квартирка с огромной шелковой кроватью, и яркая малолитражка, похожая на очень дорогую детскую игрушку. Но до квартиры и машины дело никак не доходило: покровители внезапно улетали в командировки, сунув Маринке тощий конвертик «на первое время». Это проклятое первое время никак не кончалось. Маринка зависла в безвременье, где были невкусны солоноватые толстые устрицы и пресная зимняя клубника, были неинтересны проходившие перед нею, будто череда открыток, красоты европейских столиц. Маринка страдала по-настоящему, выла и материлась в остывающей ванне, источая теплые слезы в ноздреватую пену, осевшую пеплом, но не было инстанции, которой она могла бы эти страдания предъявить. Мужчины, которыми она хотела завладеть, не столько ворочали делами, сколько ворочались в делах; эти серьезные дела забивали им мозги и даже кровеносные сосуды, потому они физически не могли еще и Маринку принимать всерьез.

– Ладно-ладно, какие наши годы, – подбадривала себя Маринка, скалясь в раскрытую пудреницу. – Знаешь, Максик, чего хочу? Замуж хочу за старика. Какого-нибудь народного артиста СССР. С дачей огромной, заплесневелой, с квартирой на Кутузовском, набитой барахлом. Чтобы лет пять ему отслужить – и, пожалуйста, богатая московская вдова!

– За старика-то зачем? – удивлялся Максим Т. Ермаков. – Что, у молодых денег нет? Старику тебя не протрахать, ответственно говорю.

– Максик, не тупи, – отвечала Маринка, перейдя на деловитый тон. – Московской вдове и цена другая. Будет так, как если бы я не приехала в столицу из Зажопинска, а всегда здесь жила. Возьму его фамилию, на которую туса реагирует респектом. Правильно овдоветь, Максик, – это как заново родиться. В хорошей московской семье, а не у моих придурошных родаков, которым не хватило ума даже квартиру выбить от завода. Ты не морщись, пойми: мы родились и живем, а на нас не накрывали. Не будет греха помочь себе немножко. Я ведь хочу по-честному. Пока мой народный артист скрипит помаленьку, буду любить его, как родного отца. После моего говнистого папки это будет, сам понимаешь, несложно...

Максим Т. Ермаков не хотел расстраивать Маринку, только в осуществимость ее matrimониальных планов верилось с трудом. В Москве Маринка сделала успехи, почти содрала с себя провинциальную корку вместе с линючим

красногорьевским тряпьем, но столица тем временем успела ее растереть. Изучая длинное, слегка раздавшееся в кости Маринкино тело, Максим Т. Ермаков больше не чувствовал в ней слитка материальности – того золотого слитка, что распознавался дома как особая ценность и особая судьба. Москва – громадная масса камня, бетона, металла, заливаемая миллионными и миллионными человеческими толпами, – отняла у Маринки ее материальную автономность, сделала своей почти несуществующей частицей. Московская земля оказалась тяжела для панночки-ведьмы; она уже не летала, распустив по ветру черные волосья, а грузно царапала асфальт покореженными шпильками; всякий раз, когда Максим Т. Ермаков ходил с Маринкой под руку, он оставался с измятым рукавом. В Москве большие Маринкины глаза, зеленоватые в крапинку, стали похожи на препараты под микроскопом, на меланхоличное и бессмысленное подрагивание клеток в водянистой среде. Казалось, будто слезы, испускаемые этими круглыми источниками, кишат вирусами, хотя это были самые обыкновенные соленые капли.

– Максик, ну скажи, что со мной не так? – всхлипывала Маринка, потеряв присутствие духа после самоотверженного секса.

– Дура, не реви, – грубо отвечал Максим Т. Ермаков. – Все дело в том, что в Москве до хренища блядей.

Помочь Маринке могло, пожалуй, только чудо, какое-то совершенно необычное стечение обстоятельств. Офонаревший от ее предложения и позволивший себя растерзать на бившейся в стенку кровати, Максим Т. Ермаков заподозрил, что такие обстоятельства имеют место быть.

Планы социальных прогнозистов, у которых явно было не все в порядке с их собственными набрякшими головами, делали Максима Т. Ермакова идеальным стариком. Судя по тому, что застрелиться надо было уже вчера, Объекту Альфа стукнуло, по матримониальному счету, лет девяносто. И десять миллионов долларов – не слабое наследство! Только откуда Маринка узнала? Неужели с ней провели тихую кагэбэшную беседу в темной конспиративной квартирке, заодно проверив на буром диванчике советского производства ее квалификацию? Непохоже. Глупо. Не возникает никаких дополнительных мотиваций для Объекта Альфа пустить себе пулю в башку. Маринкино поведение логично только как собственная ее авантюра, попытка оторвать крупный кусок. Наивные люди, думал Максим Т. Ермаков. Строят планы так, будто у него, главного как-

никак фигуранта в игре, нет никаких собственных интересов. Будто он только и мечтает, как бы их всех не подвести. Однако где же Маринка схватила информацию? Они что, объявления в газеты дают? Мол, такой-то и такой-то, имя-фамилия-адрес, является недопустимой погрешностью в причинно-следственных цепях, из-за него, дорогие граждане, все ваши бутерброды падают маслом вниз, но в случае его добровольного самоустранения близкие получат от доброго государства десять лимонов грина.

Абсурдно. И тем не менее уже не все проявления народного протеста против существования Максима Т. Ермакова объяснялись наймом и инструктажем. В одно прекрасное утро, чапая по ледянистой слякоти от парковки до офисного крыльца, Максим Т. Ермаков увидел пикет. «ЖЕРТВЫ “ЕВРОПЫ”» – гласил самодельный ватмановский плакат, гремевший на ветру, как кровельная жесть. Сердце у Максима Т. Ермакова екнуло и провалилось в желудок. Человек пятьдесят стояло перед крыльцом неровной цепью, и хотя все они были одеты в приличное штатское, почему-то казалось, будто это отряд, потерявший две трети своих. Почему-то мерещилось, что стоявших должно было быть гораздо больше. Отсутствующие обозначали себя белесой пустотой за спинами пикетчиков – и они же, очевидно, были на фотографиях, отчеркнутых с углов траурными лентами. Каждый пикетчик держал по такому обрамленному снимку, на котором таяли, просияв напоследок, сырые снежные хлопья. Максим Т. Ермаков, на всякий случай поставив торчком жесткий кожаный воротник, вгляделся в потерпевших. «Артисты? – подумал он. – Нет, не артисты».

Невозможно было сыграть или подделать свежее горе, уже присыпанное равнодушием жизни. Немолодая исплаканная пара вместе держала портрет густобрового парня в десантном берете, работавшего, вероятно, охранником в «Европе». Стриженная старуха в мужской каракулевой шапке пирожком выставляла перед собой чью-то фотографическую улыбку, неуловимую, как солнечный зайчик; на нижней крапчатой старухиной губе висела потухшая папироса. Старикам Максим Т. Ермаков не верил, зная, что нанять их проще простого и немощи их – политические пятаки – продаются недорого. Точно так же он не верил студентам и прочим молодым балбесам, сшибающим в политических массовках на пиво и чипсы. Но большинство демонстрантов были в возрасте, когда и помимо пикетов есть чем заняться в жизни. Максим Т. Ермаков обратил внимание на высокую властную женщину, стоявшую, видимо, по привычке, впереди остальных. Несмотря на печать высокомерия, на что-то тигриное в складках тяжелого лица, женщина дрожала в тоненькой щипаной норке, и глаза ее были пусты, будто пересохшие чернильницы. Она же первая заметила Максима Т. Ермакова и замахала рукой в красной перчатке. По цепи

пикета прошло движение, будто среди пассажиров в дернувшейся электричке.

– Трус! Вон, вон, побежал! – закричала женщина мокрым сорванным голосом, что-то выкапывая у себя из глубокого кармана.

– Стой! Стоять! Подлец! Предатель! Чтоб ты сдох! – эхом пронеслось по пикету, и демонстранты, кое-как придерживая траурные снимки, принялись выхватывать стволы.

Максим Т. Ермаков не сразу понял, что направленное на него оружие – игрушечное. Был момент, когда он замер, стремительно сжимаясь до какой-то бездонной внутренней точки, тупо глядя на вперенные в него пустые черные дырки. Тут же все это пластмассовое полое вооружение затрещало, защелкало, едко запахло пистонной гарью, брызнули тусклые струйки из ядовито-зеленых водяных пистолетов. Стриженная старуха размахивала мумифицированной штуковиной, похожей, если присмотреться, на самый настоящий революционный маузер. Красная перчатка судорожно тискала нечто дорогое и вороненое, точно это был камень, из которого она пыталась выжать воду. Максим Т. Ермаков, весь взмокший под глухим кожаном, сердито топнул и ввалился в офисную дверь.

Ни к вечеру, ни на другое утро пикет не исчез. Правда, он несколько сменил состав. Наиболее вменяемых жизнь призвала заниматься делами (властную женщину в щипаной норке Максим Т. Ермаков не увидел больше ни разу); зато другие укрепились и стояли с безучастными улыбками, точно ждали в зале прилета какой-то потусторонний рейс с дорогими людьми на борту. К жертвам «Европы» присоединились жертвы пожара в Красноярске, теракта в Краснодаре, взрыва газопроводных труб в непрогнозируемом поселке под Уфой. Сплоченные группы активистов представляли две большие авиакатастрофы и не то пять, не то шесть крушений пассажирских составов; крушения следовали одно за другим безо всякой видимой причины, точно саму железную дорогу заедало, как застежку-молнию, на перегонах от Владивостока до Петербурга.

На пяточке между офисными башнями возникли палатки, ходившие ходуном на сильном ветру и издававшие под резкими порывами что-то вроде сырого кашля. Всюду летал разноцветный прилипчивый мусор, гарцевали и цокали по черному асфальту легкие банки из-под пива; ветер обламывал спицы задиравшимся зонтам. Среди пикетчиков выделялись сибиряки, привыкшие уважать свои трескучие крепкие зимы; здесь, под московскими мыльными дождями со снегом, они в своих куницах и лисах были как новорожденные птенчики с мокрыми

перьями. Отдельно, под навесом из хлопающей парусины, располагались пострадавшие в инвалидных колясках. Некоторые, закованные гипсом в нелепые и патетические позы, напоминали поваленные статуи. Среди колясочников была всего одна молодая женщина (Максим Т. Ермаков в любом человеческом скоплении первым делом видел женщин, хорошеньких и молодых, после предложения Маринки особенно); она беспрерывно курила и говорила по мобильнику, но казалась отрешенной от всего из-за бледности острого личика, маленького на волне огромных и войлочных русых волос, усыпанных бисерными каплями. Вот ее бы Максим Т. Ермаков пожалел, единственную из всех. Он был в последнее время странно взволнован и предрасположен к поиску, несмотря на изнурительные пакости социальных прогнозистов. Матовая прелесть армянской девицы, преспокойно жившей теперь в квартире на Гоголевском, оставила в душе какую-то глубокую впадину, точно разрыв в облаках, на который все досадуешь, что он никак не нальется солнцем и пропадает зря, показывая среди хмари бесполезный мазок синевы.

Появление Максима Т. Ермакова пикетчики встречали всеобщим матерным воем и ураганной игрушечной трескотней. Народ, опять ничего не придумав лучше, метал во врага гнилые овощи и другие малоаппетитные продукты; их Максим Т. Ермаков научился ловко отражать зонтом-автоматом, выбрасывая купол навстречу полужидкому обстрелу. Все-таки многие снаряды достигали цели, доставалось и коллегам гада и предателя, имевшим несчастье опаздывать и норовившим прошмыгнуть. В результате перед началом рабочего дня туалет превращался в помывочное и постирочное место, с угрюмой очередью к раковинам и черным болотцем на залитом полу. Максима Т. Ермакова сторонились, бросая на него исподлобья неприязненные взгляды; в результате он оттирал кожан и выполаскивал зонт в персональной забрызганной чашке, мыча под нос какой-нибудь веселенький мотив.

Максиму Т. Ермакову не возбранялось опаздывать; все были бы только рады, если бы он не появлялся вовсе. Непосредственная его начальница Ика была обойденная большой карьерой бывшая комсомолка, лютовавшая теперь в своем двадцатиметровом, дешево обставленном кабинетике. Примерно раз в три дня Ика предлагала Максиму Т. Ермакову написать заявление по собственному.

– Макс, ну вы же понимаете, – говорила она, осторожно трогая прическу, в которой, казалось, каждый волосок был позолочен и уложен отдельно. – Все, что вокруг вас творится, несовместимо с имиджем фирмы. Перед офисом стало как перед вокзалом, честное слово. Да вы потом отлично устроитесь! А пока

корпоративная лояльность призывает вас...

– Не призывает, – перебивал начальницу Максим Т. Ермаков. – Никакого заявления писать не буду. Нет, и все.

– Это вы мне говорите «нет»? – всякий раз поражалась Ика, бледнея под пудрой, так что становились видны два не совсем совпадавших лица, одно нарисованное и одно настоящее.

– Вам, вам, Ирина Константиновна, – хладнокровно подтверждал Максим Т. Ермаков. – Четвертый или пятый раз, между прочим. А хотите, так увольняйте меня сами, по статье. КЗОТ еще никто не отменял. Приказ издайте, мол, за нарушение трудовой дисциплины Ермакову выговор. Я нарушаю? Нарушаю. Чего же вы ждете?

– Вы не только опаздываете, вы еще и работать перестали совсем, – эти слова начальницы сопровождались тонким дребезжанием, исходившим не то из ее разбитого комсомольского сердца, не то от стаканчика с остро заточенными карандашами.

– Работать? Без бюджета? – саркастически спрашивал Максим Т. Ермаков, задетый денежным вопросом за больную струну. – Мне на свою зарплату билборды обеспечивать? Расклейки в метро? Вот как было бы удобно: плати сотруднику шесть тысяч баксов, а дальше он сам подсуетится! Свои, если надо, выложит! Может, мне грант у министерства культуры на нашу рекламу испросить?

– Ермаков! Раньше вы так не разговаривали!

– Раньше у нас не торчало по десять гэбэшников на каждом этаже, – задушевно напоминал Максим Т. Ермаков. – Ну, давайте, попробуйте, увольте меня!

Тут начальница без слов откидывалась в кресле и принималась гипнотизировать Максима Т. Ермакова холодными глазами, светлыми с паутинкой, от которых, должно быть, в лучшие времена у подчиненных бежал по коже легкий мороз. Теперь уже был далеко не тот эффект. Себе рассерженная Ика наверняка казалась коброй, грозно раздувшей капюшон, а Максим Т. Ермаков видел злую неудачницу с накрашенным увядшим ртом, похожим на осенний лист, ни на что

уже не годную, кроме как спускать представительские деньги на стилистов и косметичек. «Что ты такое по сравнению с моими государственными головастиками?» – не без самодовольства думал он, откланиваясь, – и действительно натыкался в предбаннике на скромный экземпляр социального прогнозиста, который мирно что-нибудь читал или возился с хрипящей кофеваркой. Между прочим, Маленькой Люси все чаще не случалось на рабочем месте. Если же она сидела за своим аккуратным секретарским столиком, то все равно как будто отсутствовала. Максим Т. Ермаков догадывался, что она либо бегают к сыну в больницу, либо водит его на медицинские консультации, либо что-то в этом роде. Выглядела Маленькая Люся настолько плохо, что Максим Т. Ермаков даже смог представить боль, которую испытал бы близкий ей человек при виде ее опухшего личика в мутных очках и синеватых ноготков, прозрачных, как рыба чешуя. Максим Т. Ермаков даже готов был помочь ее больному сынишке, но только не самым радикальным способом.

В промежутках между появлениями Максима Т. Ермакова лагерь пикетчиков жил своей собственной повседневной жизнью. Дважды в день знакомый гэбэшный фургончик с рекламой садовой мебели на борту подвозил горячую пищу. Откидывался задний борт, тетеньки в халатах сомнительной белизны переваливали алюминиевые баки, шагая с ними, будто с начинающими ходить тяжелыми младенцами, поближе к краю платформы. Снизу им протягивали бесформенные, как ямы, железные посудины, сизые губы хватали горячую картошку – во всем этом было что-то фронтовое, гиблое и героическое, и клерки, поглощая в офисных кафетериях бесплатный корпоративный ланч, ощущали необъяснимый дискомфорт. Порядок в лагере охраняла пара скучающих милиционеров, иногда общавшихся со своими трескучими рациями; на злостное хулиганство, каковым, несомненно, являлось метание овощей, они смотрели с искорками в цепких глазах обученных стрелков, словно всякий раз спорили между собой, попадет кто-нибудь в долгополого толстяка или не попадет. Неподалеку от ментов хлопала красным крестом большая медицинская палатка. Там, среди деловитого персонала, была одна темнокожая докторша, с широким львиным носом и сединой, как пена на чашке с капучино; Максим Т. Ермаков надеялся, что это какая-то международная миссия, пока почтенная мэм не обложила крепким русским матом налетевшего на нее велосипедиста.

И вот что интересно: за целых две – нет, кажется, три, вернее, три с половиной – недели в лагере не появилось ни одной телевизионной камеры. Ни одного завалящего журналюги, ни одного сюжета в новостях.

Теперь после работы Максим Т. Ермаков испытывал желание напиться – что в его специальном случае было все равно, что хотеть уснуть во время жестокой бессонницы. Бросив в багажник вонючий кожан, похожий теперь на свежесодранную тюленью шкуру, он колесил по знакомым питейным заведениям, благо никакие тесты дорожных инспекторов не реагировали на его организм, влей он в себя хоть целое ведро. Максим Т. Ермаков искал по вечерам островки нормальной жизни – «довоенной», как сказал бы деда Валера, называвший «прямо довоенными» дефицитные конфеты «Метеорит» и подаренный ему на юбилей одеколон «Консул», только появившийся тогда в перестроечных «комках».

Диму Рождественского Максим Т. Ермаков обнаружил в баре «Разгильдяй», где ему, по совести, было самое место. Журналюгский журналюга сидел у стойки, сосредоточенно нюхая желтое содержимое своего стакана. Его остекленелые глаза блестели тем же округлым блеском, что и протираемая барменом пузатая рюмка; на светлом шелковом галстуке у Рождественского темнел подтек, похожий формой на восклицательный знак.

– Давай, за компанию, – двинул он стакан в сторону подсевшего Максима Т. Ермакова и, не найдя встречного сосуда, чтобы чокнуться, пихнул соседа в плечо.

Говорили, что Дима Рождественский получил повышение: теперь он заведовал отделом «Общество» в своем полуживом таблоиде, похожем на запущенный огород, с главным редактором, запиравшимся в своем кабинете на много суток и вылезавшим оттуда красным, как марсианин, почти забывшим русский язык. Работать в газете было практически некому – этим, вероятно, объяснялось повышение Рождественского. Журналюгский журналюга мало смыслил в общественных вопросах, но умел к любому факту присобачить глумливый комментарий, создававший впечатление, будто автор знал намного лучшие общества, чем то, в котором вынужден, держась за больную голову, просыпаться по утрам. Эта же глумливая манера заразила и устную речь Димы Рождественского. Он обожал пугать молодых журналисточек и пиарщиц, намекая на неантропоморфные тайны профессионального мира. Он гипнотизировал жертву тяжелым взглядом, с трудом поднимаемым выше стола, и дружеским жестом, каким кладут собеседнику руку на плечо, брал коллегу за грудь.

Вынужденный скрывать, что знает жизнь меньше остальных – а когда ему было узнавать, попей-ка так! – Рождественский вообразил себе, буквально надышал некое плотное облако, в котором, как ему казалось, крылись темные причины общественных и личных его неустройств. Он чуял это облако над собой, когда наколачивал на чумазой клавиатуре очередной материал. Он тайно был убежден, что судить о чем бы то ни было для человека невозможно, – и выдавал суждения с легкостью лотерейного барабана, по триста-четыре строки в номер. Незнание, как некая самодостаточная субстанция и плотный наполнитель головы, развило у Димы особое чутье, сходявшее за журналистский нюх в изданиях, где ни от авторов, ни от читателей не требовалось особого ума. Чутье не только восполняло Диме недостаток информации и опыта, но уберегало его от многих неприятностей. Дима, можно сказать, был компенсирован. Он никогда не попадался навстречу главному, если тот в озверении валил по коридору, расшибая о стену костлявый кулак; в такие плохие дни, когда редакция ощущала себя семейством, у которого отец ушел в запой и бегаёт по дому с топором, Рождественский присутствовал в офисе, но оставался невидим, как ниндзя. Точно так же он, управляя своей немытой «маздой» в состоянии, близком к отключке, никогда не нарывался на гайцов, словно каким-то образом отводил им глаза. Опасность Дима чуял буквально своим нежнейшим носом, с бархатным родимым пятнышком, похожим на цветочную пыльцу; опасность воняла, смердела, и Дима, окруженный этими метафизическими запахами, уверенно утверждал, что жизнь – помойка и дерьмо. В этом была причина его неумеренности по части парфюма: сидя половиной задницы на высоком барном табурете, журналюга благоухал, как цветущий тропический куст.

– Чем это от тебя разит? – обратился он к Максиму Т. Ермакову, переводя нос из стакана наружу.

– Овощебазой, – лаконично ответил Максим Т. Ермаков, пытаясь привлечь внимание бармена, артистично вившего из двух бутылок полосатый коктейль.

– А по-моему, покойником, – определил Рождественский. – Я шокирован. Ты не из гроба вылез? Что-то у тебя рубашечка как будто истлела.

– Захлопни пасть, акула пера, – миролюбиво посоветовал Максим Т. Ермаков.

– Да ладно, очень милая шмотка. Стильная такая гнильца, мне нравитца, – заявил Рождественский, широко ухмыляясь и показывая неровные зубы, словно их отогнули открывашкой на манер железной пробки. – Овощебазой от тебя

тоже несет. Ну, чего расселся? Ты будешь бухать или нет?

Лысый бармен, у которого галстук бабочкой совершенно соответствовал форме черных холеных усов, наконец отозвался на призыв, и Максим Т. Ермаков потребовал водки, сразу триста. Тут же он пожалел о выборе, потому что от водки обильно потел: вся проглоченная жидкость тут же стекала по спине, и возникало ощущение, будто тело выжали, как тряпку. Отступить, однако, было некуда: бармен выставил перед Максимом Т. Ермаковым в ряд три стакашки с «Финляндией» и подогретый сэндвич с ветчиной. Наморщившись, Максим Т. Ермаков проглотил первые сто, в голове мягко стукнуло, хмель сразу вышел, как дымок из выстрелившей пушки. С большим неудовольствием Максим Т. Ермаков принялся за сэндвич, имевший температуру человеческого тела.

– У меня неважные отношения с алкоголем, – пояснил он не то Рождественскому, не то самому себе.

– А вот у меня отличные, лучше не бывает. Алкоголь мой друг, – прокомментировал Дима. – А ты все равно пей, раз пока живой. Раз уж тебя народ до сих пор не пристрелил.

– Ты в курсах, я не пойму? – отозвался Максим Т. Ермаков с внезапным раздражением. Ему захотелось спихнуть расслабленного журналюгу на пол и поглядеть, как тот будет вставать на четвереньки.

– В курсах, а как же, – солидно произнес Рождественский. – Позавчера ходил на прессуху в фонд один благотворительный, офис напротив вашего располагаетца. Пронаблюдал! Классно ты зонтом шуруешь. Помидоры летят, зонт им навстречу – прыг! Брызги обратно – хлесь! Знаешь, на кого ты похож в длинном черном кожане? На палача. Прямо весь такой сырой от крови, весь такой пропитанный. Очень, блядь, романтично!

– А чего ты, блядь, колонку не тиснешь? – с кривой гримасой поинтересовался Максим Т. Ермаков. – Твоя вроде тема. Вот оно, общество, во всей красе.

Дима Рождественский вздохнул и взлохматил шевелюру, настолько дикую, будто она питалась, как почвой, непосредственно тканями пьяного мозга.

– Друг, мне тяжело тебе это говорить, но дело в том, что ты – не новость. Я имею в виду тебя как такового. Не ньюсмейкер. Понимаешь, нет? Как только станешь ньюсмейкером, я первый к тебе побегу, с диктофоном и фотографом. А пока извини...

– Не понимаю, – жестко перебил Максим Т. Ермаков. – Стоит владельцам халуп, предназначенных под снос, устроить пикет, как вы все там. Куча камер, все каналы, интервью с главой администрации... А тут прямо в центре Москвы уже которую неделю митинг. И не просто какие-то пенсионерки в беретках. Люди со всей страны приехали. Тут тебе и выжившие с новосибирского самолета, и все главные гады с крушения под Питером. Что, про все про это и сказать нечего?

– Ну, про питерское крушение мы писали. Давали целый разворот. И про самолет писали, я, кстати, сам туда летал с эмчезсниками. Представляешь, круто! Они садились на шоссейку, трафик под ними дергался, как сумасшедший. Не вписались в поворот, распахали поле. От этой «тушки» осталась одна рванина. Вот бы тебе на это посмотреть!

– Не стремлюсь, – отрезал Максим Т. Ермаков. – Я тупой и нелюбопытный. Ты мне лучше объясни, суперский профи: почему одно событие становится новостью, а другое нет?

– Ишь ты, нелюбопытный какой! Пей давай. Со мной, ветераном борьбы за уничтожение алкоголя, даже не пробуй откосить!

С этими словами журналюга, пристроив в пепельницу прикушенную сигарету, забрал себе одну из двух оставшихся водочных порций, а вторую всучил Максиму Т. Ермакову. Пришлось опять глотать резкую жидкость, жегшую губы, точно они были разбиты. Максим Т. Ермаков понимал, что при деятельном участии неутомимого Рождественского, да если в бар подвалит дружественная компания, он наберется пустой отравы так, что на другое утро желудок превратится в мешочек углей. Пережив ожог пищевода и хлопок в голове, он тоже закурил, и сигаретный дым блаженно умягчил туманное сознание, посылающее куда-то тяжелые файлы.

– Ну? – придвинулся он к Рождественскому, у которого на определенной стадии пьянства вид становился растроганный и добрый. – Я выпил, теперь ты колись. А то в морду дам.

– Нет, вы слышите, га-ас-спада? – воззвал прослезившийся Рождественский к невозмутимому бармену и двум девицам поодаль, выложившим на стойку овальные декольте. – Он!.. Мне!.. По морде!.. Это как?

– Как? Физически, – хладнокровно пояснил Максим Т. Ермаков. – И не по морде, а в морду. Почувствуй разницу.

– Слушай, друг, ты такой толстый, а такой агрессивный, – укоризненно проговорил Рождественский. – Ну, хорошо. Ну, д-давай рассуждать вместе. Коллегиально!

Почему-то последнее слово показалось Рождественскому смешным, и он захихикал, еле держась на табурете. Максиму Т. Ермакову пришлось гулко стукнуть журналюгу по спине, заставив по-быстрому ссыпать хихиканье, как высыпает монетки огретый автомат.

– Эй, Макс, ты руки убери, – сипло проговорил Рождественский, выпученный, сопливый и будто немного протрезвевший. – Реально меня отпиздить хочешь? За что?

– Да ладно, не хочу на самом деле, – устало ответил Максим Т. Ермаков, которого начинали угнетать тусклые, с каким-то осадком на дне, барные светильники и доносившееся из полумрака щелканье бильярдных шаров. – Излагай насчет новостей. А то мне скоро перехочется тебя слушать.

– Думаешь, мне больно хочетца всю эту лажу озвучивать? – Рождественский нахохлился, медленно вращая перед своим невидящим взглядом пустой стакан. – Вопрос на засыпку: кто производит новость – массмедиа или жизнь?

– Медиа, само собой, – сердито ответил Максим Т. Ермаков. – Но жизнь тоже участвует. Скажем, в качестве сырья.

– Так, да не так. Прикинь, если бы любой лох мог выползти на улицу с плакатиком и сделатца новостью. Если бы это было доступно широким слоям населения. Что было бы, а? – Рождественский поднял на Максима Т. Ермакова печальный взгляд, в котором пробивался сквозь алкогольную пелену какой-то осмысленный свет. – Но ведь недоступно, пойми! Так же кусаетца, как коттедж на Рублевке. Новость – это дорого. У-о-очень! В новость надо хорошо вложитца.

Самый качественный пример эпохи: самолеты гребаной Аль-Каиды врезались в Близнецов. Давай считать. Столько-то лет подготовки теракта. Маньяков учили, поили, кормили. Потом: стоимость двух «боингов», двух небоскребов, всего, что в них было, плюс народу полегло охрененно. Плюс последствия. Буш одиннадцатого сентября велел всем самолетам над Штатами сесть и прижаться брюхами к земле. Сели и прижались. Тоже встало в деньги! Округли, сколько всего всосала эта мега-гипер-новость? Теперь твой пример с хозяевами халуп. Кому-то были бы их пикеты интересны, если бы земля в Москве не была золотой? Сырье, ты говоришь. Правильно, Макс. Но сырье должно быть жирное, как нефть. А из говна конфетку делать никто тебе не будет. Самодеятельность снизу не поощряется. То есть, конечно, обыкновенный лох тоже может засветиться в новостях. Если он очень круто за это заплатит. Обольет себя бензином на хрен и сгорит назло президенту Медведеву. Если ты, Макс, застрелишься, как от тебя хотят, мы про тебя информашку поместим. Всего лишь заметку, понимаешь, за всю твою долбаную жизнь целиком! А назавтра твой следок смоем новая волна. И все. Так что, друг, не лезь на газетную площадь. Для тебя это местечко по цене места на кладбище. И давай уже, отвали...

Утомленный собственной связной речью, журналюга свесил волосы и поехал локтем по стойке, явно собираясь отдохнуть. Максим Т. Ермаков стиснул Рождественскому хлипкое плечо, ощущая его небольшое мутное сознание, будто колышимую в слоях эфира сонную медузу.

– Откуда знаешь насчет застрелиться? – Он потрянул журналюгу покрепче. – Фамилия Кравцов тебе о чем-то говорит? Сергей Евгеньевич Кравцов, такой лысый, zenки страшные?

– Да не знаю я никакого Кравцова! – Журналюга возмущенно дернулся и едва не смазал Максиму Т. Ермакову пальцами по губам. – Ты, Макс, совсем плохой. Бежишь, а по сторонам не глядишь? Так па-сма-три из-за зонта. Те, кто кидаются в тебя, они еще и текстами трясут. Типа «Ермаков, застрелись сам». Клево, да? Ну кле-ево... А сами из игрушек – тра-та-та... Смотри, там не только игрушки, я у одного кар-рабин «Сайга» видал... Пальнет со всей дури, зонтик не укроет. Са-абражаешь, чего говорю? И все, отъеда, утомил...

– Ну и хрен с тобой.

Максим Т. Ермаков выпустил журналюгу и, чувствуя за бумажником сильно стесненное сердце, вытащил кредитку. Бармен, получив на чай наличную сотку, доброжелательно ослабился. Над бильярдным столом, в низком конусе света, радужном от табачного дыма, некто длиннорукий, в висящих подтяжках, целился кием в ослепительно яркий, мертвой костью лоснящийся шар.

- Народ - урод, - вдруг высказался сонный Рождественский в рифму, глядя сквозь Максима Т. Ермакова пустыми глазами с поволокой.

Эта дурацкая рифма, совпавшая с крепким взрывом бильярда, что-то столкнула в сознании Максима Т. Ермакова. Слова закачались, будто на волне, отступавшей и вновь наступавшей. «Не припомню, как давно понял я, что жизнь говно», - проговорил про себя Максим Т. Ермаков, весьма удивленный. Не успела сойти эта фраза, как навстречу ей набежала другая: «Ничего, что жизнь говно, скоро кончится оно». Что-то еще подплывало, уже звучало, тоже с последним ударением на «о» или «а», но колебания гасли, оставляя тяжелую зыбь где-то в области желудка. «Стихи, что ли, начать писать», - подумал Максим Т. Ермаков уже обыкновенным образом, направляясь к дверям. Вдруг он понял смысл того, что сочинил. Скоро кончится. Он встал, тупо глядя на бильярдный стол, где катились, мягко обмирая, четыре шара, а два стояли неподвижно.

Ну уж хрен вам - скоро! Нескоро. Домой, к Маринке, трахнуть ее и уснуть, а завтра поглядим. Максим Т. Ермаков мимолетно пожалел, что не подкатился к девчонкам, так пригласительно игравшим топлеными глазками, пока он, как придурок, спорил с журналюгой. Выходя, он увидел, как одна из девиц, посверкивая пирсингованным пупком и сидящей гораздо ниже пупка стразовой пуговкой джинсовых штанишек, под села к Рождественскому и взяла его за шею, как клещ.

На другое утро Максим Т. Ермаков, еще толком не открыв глаза, подумал, что не выключил на ночь люстру. Комната, будто пудрой, была полна полузабытым солнцем; зеркало, вделанное в кривой советский гардероб, казалось металлическим. Что же за день сегодня?

Седьмое марта, ё-мое! Завтра восьмое.

Геморрой во всю задницу.

Маринка принимала душ, щедро заливая шуршащей водой клеенчатую занавеску. Так, спокойно. Времени до завтра целый вагон. Ополоснув лицо, еще облепленное паутиной сна, Максим Т. Ермаков отправился на кухню варить в щербатом ковшике кофе. Наплескавшись, Маринка явилась жарко-ароматная, подслеповатая и безбровая без своей косметики; Максиму Т. Ермакову всегда казалось, что с мокрыми волосами, похожими на черные прутья метлы, вид у нее довольно глуповатый.

- Сегодня у нас корпоративка! - объявила Маринка, нацеживая себе зеленого чайку. - А у вас?

- И у нас, - сообразил Максим Т. Ермаков.

Странно: мужское сообщество фирмы, относившееся к Восьмому марта по принципу «отдай, не грехи», не выслало к нему человека за деньгами, обошло стороной. Может, купить начальнице самостоятельный букет? Или не надо букета?

Маринка, натянув на себя что-то радикально-желтое, с шелковым бурунчиком над тесно сомкнутыми коленками, убежала праздновать в свою контору - какой-то, кажется, инвестиционный фонд, куда ее пристроил, покидая, заботливый Полянский. Максим Т. Ермаков, сердито ворча, надел перед освободившимся зеркалом тот, розоватый, костюм. Слишком жаркий и пухлый для теплого времени года, слишком светлый для холодной, полной химикатов московской слякоти. Брючины, сколько Максим Т. Ермаков ни пытался их чистить домашними средствами, были буквально прожжены, как сигаретами, бурыми брызгами. Ни один приличный галстук из сохранившихся запасов не соглашался соответствовать этому безобразию. Недовольное лицо Максима Т. Ермакова тоже не желало соответствовать женскому празднику. Всегда воспринимаемое владельцем, из-за аномалии в голове, как персональный, ничего особенного не выражающий мираж, оно теперь приобрело странную выразительность, какую Максиму Т. Ермакову иногда случалось наблюдать у других людей, чем-то сильно выбитых из колеи. Новыми были резкие складки от носа к небольшому кривоватому рту, а сам нос, замороженного розового цвета, выглядел так, будто его, оторванный, пришил хирург. Давно пора было стричься: сахарная щетинка отросла и покрывала виртуальный череп бледным куриным пером.

А, ладно. Максим Т. Ермаков, не обращая никакого внимания на задубевших дворовых демонстрантов, залез в «тойоту» и порулил по солнечным улицам. Солнце и яркая синева, занявшая небо почти целиком, принесли не тепло, но мороз: звонко лопались под колесами застекленные лужи, рваный асфальт был тут и там заштопан игольчатым ледком, женские каблуки стучали по нему отчетливо и глухо, точно он был пустой внутри. Возле каждой станции метро стояли в ряд торговцы с ведрами, полными озябших мелких роз и морковного цвета тюльпанов, чьи слабые коробочки были стянуты, чтобы не разваливались, тонкими резинками. Покупателей было навалом. Практически каждый пешеход нес в руках букетик, завернутый в ломкий целлофан и словно вынутый из морозильника; каждому букетику предстояло перейти из рук в руки в течение дня.

Максим Т. Ермаков припарковался возле оживленного цветочного базарчика. Оказавшись среди потока людей, он сразу почувствовал, что на него смотрят. Если раньше он умел, как все москвичи, ни с кем не встречаться взглядами даже в самой плотной толпе, то теперь то и дело попадал на чужие глаза, пытавшиеся заглянуть ему в мозги до самого затылка. Чужие глаза были настороженны, злы, любопытны, чем больше злости, тем солонее цвет. Одни любопытные отодвигались подальше, другие старались притереться, потрогать; Максима Т. Ермакова не оставляло ощущение, будто его пасут одновременно несколько карманников.

– Гля, это он? Точно, он!

На Максима Т. Ермакова жадно пялились мешковатые подростки; из широких штанов с карманами до колен стервецы торопливо вытаскивали мобильники, явно собираясь сфоткать объект безо всякого согласования с федеральными спецслужбами. Загораживаясь собственной спиной, Максим Т. Ермаков потрусил в цветочный павильон, где товар был поярче и попышнее, чем в народных торговых рядах. За прилавком стояла здоровенная свежая девка в рябом огромном свитере, на котором, как на маскировочной сетке, болтались зеленые листья. При виде Максима Т. Ермакова она распахнула блеклые глаза и крепко сжала рот, словно поймала в последний момент готовое вырваться восклицание, что-то вроде «Убирайся вон!». Вместо этого могучая цветочница, переступив с ножищи на ножищу, выдавила писклявое:

– Слушаю вас, мужчина.

Максим Т. Ермаков гонял ее минут пятнадцать, осмотрев все по очереди дорогие букеты, в которых все было ярко, мясисто и словно завито на бигуди; при этом заблестевшие глаза цветочницы сильно бегали, исцарапанные красные руки то и дело что-нибудь роняли. «Ну, блин! – думал Максим Т. Ермаков. – Ну, геморрой!»

Досаду его успокоили удивительно свежие белые розы, зеленоватые с плотных бочков и как бы недоспелые – так, что и правда захотелось их кому-нибудь подарить.

– Семь штук, – скомандовал Максим Т. Ермаков.

Убираясь с букетом, сырым и колким сквозь зеркальную бумагу, он заметил у фургончика «Хлеб» своих социальных прогнозистов. Мужчины приплясывали от холода в своих кургузых пальтецах; один держал перед собой две или три упаковки мимозы в целлофане, похожей на что-то сушеное к пиву; другой, дыша на скрюченные пальцы, пересчитывал деньги.

– С праздником, дорогие товарищи! – крикнул им, поднявшим сизые морды, Максим Т. Ермаков.

Однако всучить букет начальнице оказалось не так-то просто. Барыня, как всегда по праздникам, были не в духе. Они изволили явиться на службу без пятнадцати десять и, швырнув в приемной свою подержанную рыхлую шиншиллу, заперлись в кабинете. Все было готово к тому, чтобы, наконец, поздравить женщин, мерзнувших за компьютерами в голоруких платьицах каких-то слегка безумных телесных оттенков – словно каждая мечтала оказаться под платьем не такой, какова она в действительности, и эта мечта проступала сквозь тонкую ткань. Уже и Хлам, в превосходном галстуке сырого шелка, сказал перед коллективом торжественную речь и смылся. В кафетерии, на застеленных белым сдвинутых столах, блестели белым медицинским блеском пустые тарелки, в баре потихоньку редели водочные бутылки. Но начинать корпоративку, не поздравив Ику, было невозможно.

Максим Т. Ермаков валандался в предбаннике вместе с поздравляющей командой, которую возглавляла Большая Лида, всегда любившая что-нибудь возглавлять. Сейчас Большая Лида злилась и сильно дергала себя за белые

хрустящие пальцы. Поздравляющая команда принесла корзину хризантем, пухлых, как творожные ватрушки, и гроздь воздушных шаров, которые мужчины надували, а женщины разрисовывали цветными смайликами. После двух с лишним часов ожидания смайлики немного скучились, а сами шары, содержавшие если не добрые душевные порывы, то, по крайней мере, живое человеческое дыхание, сделались мутными, точно забродившими. В кабинете стояла тугая тишина: казалось, будто тишину туда накачивают, накачивают, и вот-вот она взорвется.

Все претензии были, конечно, к Маленькой Люсе. Время от времени она звонила в кабинет по внутренней связи и, роняя трубку на рычаги, сообщала со слабоумной улыбкой:

- Ирина Константиновна сказала - позже, работает еще.

- Ага, работает, как же, - бормотала Большая Лида, вышагивая по крохотной приемной и наступая на ноги своей команде, кое-как рассевшейся вдоль стен на неудобных стульях. - Издевается, просто издевается...

Маленькая Люся была сегодня совершенно выключенная. Казалось, будто она одевалась и красилась без зеркала. Этот трикотажный свалывшийся костюмчик овечьего серого цвета Максим Т. Ермаков видел на ней постоянно все последнее время. Светлые глазки Маленькой Люси маячили ярко и бессмысленно, на запавшем виске мерно дергалась жилка, будто кровь в ее организм поступала по каплям. «Неужели умер пацан?» - подумал Максим Т. Ермаков с холодком под сердцем, пряча за спину тяжелый букет.

Он как будто ничего не брякнул вслух, но Маленькая Люся повернулась к нему и шепотом ответила:

- Еще нет, но говорят, вот-вот. - Она наморщилась, точно укусила лимон.

- Как «вот-вот», ну сколько можно «вот-вот»? - налетела Большая Лида, стукнув длинными бусами о секретарский столик. - Битых два часа торчим, можно, наконец, принять людей!

Тут же за ее спиной с театральной демонстративностью открылась дверь кабинета. Все вскочили, спешно надевая на лица улыбки, будто противогазы по

сигналу химической атаки.

– Два часа рабочего времени в моей приемной, как это мило, – проговорила Ика, стоя в дверном проеме, точно в раме официального портрета. – И сколько тут народу! Ну, у женщин праздник, это я еще могу понять, а мужчины почему отдыхают? Приняли Восьмое марта на собственный счет?

– Вадим Вадимыч уехал уже, велел праздновать, – заискивающе проговорила Большая Лида, за спиной делая виляющие знаки команде начинать поздравление.

– Но я-то еще здесь, – холодно возразила начальница, глядя Большой Лиде куда-то на подбородок, сжавшийся в напудренный комок. – Или это не считается? Я для вас пустое место, так? Что вы там трясете хвостом, как трясогузка?

Большая Лида в отчаянии выдернула руку из-за спины и схватилась ею за бусы, тотчас хлынувшие на пол и защелкавшие, с добавочным стрекотом, по голому паркету.

– Господи! Что я вам сделала? – со слезами в голосе воскликнула Большая Лида, пятась от граненого ливня.

– Вы? Мне? – Ика иронически сощурила свои холодные глаза.

По случаю праздника начальница была при полном параде, в мучительно продуманном костюме, где каждая деталь, выдержанная в зеленых и бежевых цветах, как бы ручалась за несколько других; ее нездоровое серое лицо, с какими-то темнотами, размазанными вниз, казалось полученным по факсу. «Блин, на фига я сюда приперся», – думал Максим Т. Ермаков, пятась в угол предбанника, где стояли старые набрякшие рулоны с распечатками дизайн-макетов; рулоны поехали по стене дугой и грузно шлепнулись.

– Макс, и вы здесь! – нехорошо обрадовалась Ика, и поздравители поспешно расступились, предоставляя Максима Т. Ермакова и поваленную им бумажную рухлядь в распоряжение начальства.

– Ой, здрас-сьте! – откликнулся Максим Т. Ермаков противным детским голоском.

– Ой, а я как раз хотела вас вызывать, – в тон ему подхватила Ика. – Хорошая новость: утвердили бюджет. Не слышали еще? Большой, привлекательный бюджет. А вас, вы знаете, решили освободить для креативной работы. Это ведь ваше главное? А размещением всяких клипов и билбордов я займусь сама. Вы будете только давать креативы и проводить по ним презентации. Финансовая часть проектов вас больше не касается. Замечательно, правда?

Максиму Т. Ермакову показалось, будто все освещение, включая солнечное, на секунду мигнуло.

– Я бы так не сказал, – произнес он осторожно, предъявляя Ике свою самую большую позитивную улыбку, от которой попискивало за ушами. – Я умею работать, знаю людей во всех партнерских структурах. Этим не обрастают за полтора месяца. И у меня вообще-то опыт...

– Знаю-знаю, – игриво перебила начальница, погрозив указательным. – Спасибо, что так беспокоитесь. Но я как-нибудь справлюсь, Макс, вы это должны понимать.

«Ну ты и сволочь, – подумал Максим Т. Ермаков, продолжая улыбаться с остервенением, будто тянул сжатыми зубами грузовик. – Тридцать тысяч зеленых просто взяла и из кармана вытащила, это минимально. Я же намного скромней тебя, зараза. Я же почти на одних скидках живу, которые сам и добываю. Кто тебе, такой вот швабре, даст дисконт? Нет, ты хапнешь грубо, откатом. Представляю, какой ты под себя накрутила бюджет...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/slavnikova_ol-ga/legkaya-golova

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)